В ПАУТИНЕ

Она его за муки полюбила,
А он ее – за сострадание к ним.
У.Шекспир

Часть первая

Солнца больше нет, и внутри так холодно, без тебя…

Слова этой песни - аккомпанемент последних дней. Она открыла глаза. Свет почти не сочится сквозь задернутые шторы. Будильник будет звонить каждые пять минут еще четыре раза, как и просила его накануне.

Когда же, наконец, весна? Она отодвинула штору и увидела тусклый солнечный свет, грязный двор и клоки влажного, серого, слежавшегося снега. Крыши машин слегка запорошены. Как это надоело! Хочется тепла и Пасхи.

Пока варится кофе, она успевает умыться и причесаться. Начать новый день. Ни на что нет сил и желания. Налив кофе в кружку, она возвращается к себе, включает музыку и какое-то время прислушивается к ней, цедя пробуждение мелкими глотками. Так не хочется включать компьютер! надоело его гудение и манера обращать на себя внимание. Может, потом? Нет, лучше сразу узнать, не пришло ли письмо. Она ждет уже шесть дней. Но пока тишина.

«Может, я тебя чем-то обидела? Не стоило выражать свои мысли именно такими словами и разочаровывать тебя… но я предупреждала, что характер у меня мерзкий. Буду благодарна, если укажешь на мои недостатки и честно скажешь, в чем моя вина – будет шанс исправиться».

Она написала гораздо больше, но что-то мешало ей отправить письмо. Два или три раза она собиралась нажать заветную кнопку, но в последний момент останавливалась. Подождем. Рано паниковать, да и не мог он обидеться. Он взрослый мужчина, умный и сильный, не кисейная барышня. Да на что обижаться? Она заразилась от него покаянием в несовершенных грехах, и теперь чувство невнятной вины преследовало ее. Она понимала, что зря себя накручивает и проще было бы отправить это покаянное письмо. Но выжидала.

Ежеутренняя пробежка по сайтам. Социальные сети в прошлом - натыкаешься на знакомые лица, которые не всегда радуют. А они, едва завидев тебя, пишут: «ты здесь??» Ну что за манера? Есть что сказать – оставляй сообщение. Теперь она проверяет только почту. Много ящиков: для реальных друзей, для регистраций на сайтах, для виртуальных и заграничных друзей. Проверка не занимает много времени, если нет писем. Как сейчас. Тем лучше. Пора собираться.

Грязь по дороге на остановку, местами сухой асфальт. Сапоги шкрябают, как зимние шины. Надо менять, да все руки не дойдут.

Лучшее место в маршрутке – рядом с водителем: смотришь прямо перед собой и видишь серый проспект, а не сонные недовольные лица. Впрочем, дорога занимает около получаса.

Бассейн. Обычная процедура сдачи верхней одежды, покупки билета, забегания на второй этаж, переодевания. Все занимает не больше десяти минут. Хорошо одной: не встречать знакомых, ни с кем не перемигиваться, хотя наверняка ее тут уже знают. А еще хорошо жить в собственном темпе и никуда не торопиться, ни под кого не подстраиваться, ни от кого не зависеть.

Народу не так много. Полтора километра, как обычно. Для любителя вполне пригодно. В ластах плавают по три, а то и по пять – в сушилке наслушалась. Порой там некуда сесть от пловчих разных возрастов, но если старшие школьницы и студентки вели себя тихо, то маленькие орали во всю мощь. Они даже в сушилке не расставались с мобильниками и сидели «В контакте», читали «Популярное», делились друг с другом набором цитат, которых явно не понимали, но почему-то находили их интересными. Они могли просидеть так и полчаса, и сорок минут, пережевывая чужие мысли и говоря ни о чем. Если бы можно было взять телефоны в бассейн, наверное, и там с ними не расстались бы. Они растут с этим и не мыслят жизни без интернета. Кто теперь вспомнит, как переписывать музыку с кассеты на кассету или фильмы на двух видиках? Даже про покупку дисков помнят только старшие. Удивительно, им зачем-то нужен телевизор, когда можно смотреть все душе угодное онлайн без рекламы.

Порой она чувствовала себя старухой среди такой продвинутой молодежи. В ее жизни медленный интернет появился в семнадцать, а быстрый - в прошлом году. Она находила себе забавы: пару лет назад зарегистрировалась «В контакте», в прошлом году подключила безлимитный интернет, этой весной дала объявление на англоязычном сайте, чтобы найти собеседника для поддержания языка на должном уровне. Все от нечего делать, а не потому, что действительно важно. Хочется новых ощущений. Хочется поговорить по-английски, ибо русский новояз в интернете, смайлики и ошибки действовали ей на нервы.

Она не могла вспомнить, как появилось желание общаться с иностранцами. Институтская подруга давно этим маялась, но самой ей никогда не хотелось тратить время на турок и японцев. Она знала сотни способов поддерживать знания языка и пользовалась ими. Но вдруг захотелось разомкнуть кольцо. Общаясь только с собой, далеко не уедешь, уже долго в вакууме. Чтение, переводы, уроки (в основном детям) не развивали, а наоборот. Хотелось внешнего вмешательства. И она зарегистрировалась на «Фейсбуке»[1], но на следующий день удалила профиль. Те же люди, что и «В контакте». Лезть в друзья к абы каким иностранцам она не собиралась, да и как узнать, к каким именно и не придется ли об этом жалеть? Подруга обещала скинуть ссылку на сайт, где познакомилась с японкой и американкой, с которыми до сих пор общается, но так и не удосужилась. На какое-то время все забылось. По сути это блажь. С чего вдруг ЕЙ ЗАХОТЕЛОСЬ ОБЩАТЬСЯ? Это же противоестественно!

Доделав пособие по аудированию для великовозрастной ученицы, она поняла, что переоценила ничего не слышащую даму и в панике полезла в интернет искать чего-нибудь попроще. Набредя на лингвофорум, нашла кучу ссылок на сайты с аудиотекстами разной сложности. Люди на форуме грамотные и дают дельные советы. Она просмотрела все ссылки, и обнаружила сайт для изучающих

[1] Всемирная социальная сеть.

английский. В разделе «Живой разговор» люди оставляли свои мейлы и скайпы[2], и кто хотел общаться, мог найти собеседника или друга по переписке. Скайп устанавливать не хотелось. Одна мысль, что кто-то будет пялиться на нее из монитора, вызывала тошноту. Да еще акценты – многих будет невозможно понять! Пусть лучше пишут. И она оставила объявление: зовут так-то, лет столько-то, из России, люблю рок-музыку, иностранные языки, литературу, плаванье, хочу общаться с интересными людьми со всего мира.

В прошлом году много думала об интернет-зависимости в своей жизни. «Контакт» порой давил и вытеснял столь любимое одиночество, вызывая даже в запертой со всех сторон комнате ощущение открытого окна. Пару месяцев она не оплачивала сеть и наслаждалась покоем и тишиной, правда потом оказывалось, платить все равно придется - абонентская плата. Подруга как-то сказала: «Интернет - это место, куда захожу я, но не он ко мне». И правильно. С жадностью надо бороться, перестать качать все подряд и лезть туда без надобности. Можно было почитать или посмотреть хороший фильм вместо того, чтобы проходить дурацкие тесты на женских сайтах. Кто бы мог подумать, что она этим балуется! И ей было весело предаваться тайным порокам время от времени. Интернетовский тест выдал такую характеристику: «Вы чудесным образом умудрились не уйти с головой в технические новшества. Четкое понимание, что компьютер нужен для работы и ускорения поиска информации, позволяет вам не просиживать вечера и выходные перед монитором. Вы легко осваиваете полезные сервисы и новые формы общения, способны оценить и развлекательно-познавательную сторону всемирной паутины, но обладаете редкой способностью вовремя нажать кнопку «завершение работы». У вас остается время и на встречи с друзьями, и на походы в кино, и на путешествия, и на то, чтобы быть в курсе последних событий виртуального мира, из которого вы научились извлекать максимум пользы. Так держать!»

Она знала, что это правда. Почти все результаты знала заранее и все-таки проходила эти тесты. Убедиться в своей пригодности? А что, это бывает необходимо! Чтобы встать очередным утром.

Хорошо, что сегодня в сушилке почти никого, можно спокойно полежать, расслабиться после заплыва, погреться, высушить волосы. Она никуда не спешила, привела себя в порядок, а после одевания спустилась в холл и, купив в буфете булочку, пошла на остановку. День только начинается, и куда его девать она не знала. Хотелось полежать, потому что полтора километра утомили запостившийся организм. С другой стороны, домой не тянуло, делать там нечего. А на улице весна, солнце, тепло… с которым тоже нечего делать. Этот город, где некуда присесть, где никаких знакомых, к которым можно наведаться на рюмочку чая без спроса и приглашения.

Немного иностранцев написало, но удивительно, что все мужского пола и жители юго-восточных стран. Иринка смеялась - на таких сайтах и сидят одни Салимы и Ахмеды, девок кадрят под благовидным предлогом. Нет, к ней это отношения не имело, они даже не понимали, какого она пола . Мексиканец спросил сразу, бенгалец терпел до четвертого письма. Еще был бразилец, но тому лень писать, и он настойчиво звал ее в скайп, а получив отказ, сказал, что будет рад поболтать, когда она установит. Ну и ладно, не очень-то хотелось общаться с учителем медитации в школе Брахмы! Потом появился пакистанец по имени Адам Смит, но она долго не отвечала после того, как бенгальский друг написал о языковых конфликтах и о том, сколько народу полегло в борьбе с пакистанцами за независимость языка бенгали. Все-таки здорово, когда человек может столько рассказать о своей стране, о языке, культуре, традициях, истории. Когда же она написала Адаму Смиту – молчание было ей ответом. И опять же – не очень-то хотелось, так, из вежливости…

В течение двух недель она ежедневно находила в ящике два письма – от мексиканца и бенгальца. Мексиканца звали Джерри (Герардо), и он едва связывал два слова по-английски. Что толкнуло его искать друзей на продвинутом уровне - одному Богу известно, но ошибки ее веселили. «С такими лучше не общаться, свое забудешь», - предостерегала Ирка. Вскоре общение прекратилось само собой, сказать друг другу стало нечего. Ты мужчина или женщина? Пришли мне фотку. О, ты ангел, хочу услышать твой голос! Что ты думаешь обо мне? (Неужто ждет правдивого ответа?). А у тебя есть парень? (А тебе не все равно в своей Мексике?). Все разговоры вращались вокруг мелочей вроде кулинарии и валюты. Когда Джерри узнал о России все, что хотел, писать перестал, и она не огорчилась.

---

[2] Мейл (англ. mail) – электронная почта. Скайп (Skype) – программа, обеспечивающая текстовую, голосовую связь и видеосвязь через Интернет между компьютерами (IP-телефония), а также платные услуги для звонков на мобильные и стационарные телефоны.

Товарищ из Бангладеш оказался совершенной противоположностью. Написал, что много путешествует и коллекционирует интересные фотографии. Когда она завалила его фотками, он комментировал их абзацами и щедро делился образами и ассоциациями. Играет на гавайской гитаре и в студенческие годы ставил пьесы. По образованию ботаник, а позже учился в Японии и получил степень магистра, потом преподавал в университете, но испорченным студентам не навязать моральные устои, и он решил работать в полиции. Суперинтендант. Ему тридцать семь и в полиции он уже девять лет. С недавних пор работает на ООН. До августа пишет из Восточного Тимора (она даже не слышала о такой стране, пришлось читать в сети). Он менторит и мониторит[3] местную полицию - государство совсем недавно получило суверенитет, и ООН его опекает.

Он писал длинные, интересные письма, вспоминал старые истории, делился отвлеченными мыслями, задавал такие вопросы, что приходилось писать по два листа, и ей нравилось. После пятого письма она поймала себя на мысли, что с нетерпением ждет следующего и что давно ей ни с кем не было так легко общаться. Удивительное дело! Он же, по сути, инопланетянин, из какого-то Бангладеша, который встречала в учебнике географии и даже столицу позабыла. Благо, сразу написал, что он мужчина, по имени она не разобрала бы. Видимо, у него куда больше опыта в общении с иностранцами, и он готов к таким вопросам. До того как увидела фотки, она даже никак не представляла его. Он оказался невысоким, смуглым человеком с умными глазами и добрым лицом, почти всегда в камуфляжной форме и в фуражке, похожей на десантную. Лицо хорошее, приятное впечатление производит. Просто она больше привыкла к северной внешности. Да и как не привыкнуть, когда почти все вокруг такие, и в зеркале бледное лицо и светлые волосы?

Когда он увидел ее фотографии, написал: «*За долгие годы службы в полиции я научился читать человека по выражению лица и по жестам. Ты очень сильная личность, но постичь ее настолько трудно, что немногие решаются. У тебя очень острый пронзительный взгляд (я бы хотел иметь такой, но не преуспел в его выработке), ты редко улыбаешься, но когда такое случается – все вокруг преображается. Ты не можешь улыбнуться ради приличия, и каждая улыбка исходит от сердца. Вряд ли у тебя много друзей, хотя ты вполне способна поддерживать общение с людьми, чтобы не обижать их, а для близкого друга можешь сделать все».*

Она так часто перечитывала эти строки, что почти выучила наизусть. Удивительно, как люди, знакомые с ней много лет, не поняли то, что сразу разглядел этот виртуальный человек? Он просил ответить как можно скорее, волнуясь, что его комментарии огорчат ее. Она ответила, что он целиком и полностью прав. Как приятно стать для кого-то открытой книгой, которую можно так быстро прочесть, и ничего не приходится объяснять!

Ему нравились ее английские стихи, которые он попросил, едва узнав, что она пишет. «*Наверное, в глубине твоего сердца спряталась сильная боль, я прав?»* – писал он. Ты всегда прав. Или почти, - хотелось ответить. Но тогда придется все рассказать, а нужно ли?

После характеристик ее внешности, она обратилась к нему «дорогой друг», не придав значения этой фразе. Почти прикол, своего рода присказка, придуманная подругой (май диа френд!). Разумеется, в английском написании ничего смешного, но писать это легко и приятно. Он ответил, что сегодня памятный день, ибо кто-то из-за океана назвал его дорогим другом. Она ничего о нем не знала, но манера цепляться к словам, остро реагировать на любую приятную мелочь, на каждую фотографию, которой она стремилась обогатить его коллекцию, наводили на мысль, что он очень одинокий человек и видел по отношению к себе мало добра. Когда он спросил, почему она так повернута на рок-музыке, она ответила длиннющим посланием, стремясь объяснить осознанный выбор и по возможности передать красоту этого мира. Судя по реакции, удалось. Письма становились все длиннее и интереснее – он рассказывал о музыкальных традициях своей страны, о которых она ничего не знала, но интересовалась. Они обменивались песнями, она переводила тексты с русского на английский, чтобы он мог лучше понять. Его язык был для нее загадкой, и когда она услышала присланную им песню, еле дотерпела до конца. Бенгальский звучал так мягко, напевно, придыхательно, что никак не укладывался в северную концептосферу. Но не может же она сказать, что звучание его родного языка скручивает ее в три узла! Он так любит его и хочет поделиться с ней сокровищем своей культуры, а она не в силах переварить.

---

[3] Менторить (англ. to mentor) – наставлять, руководить. Мониторить (to monitor) – наблюдать, проводить мониторинг.

Когда однажды он воздал хвалы ее владению английским и усомнился, что она захочет продолжать общаться с таким скучным типом как он, ибо ей нужна достойная компания, она испугалась. Неужели и этот не вынесет ее сильной личности?! Какая там компания среди Салимов и Ахмедов? Неужто носители языка будут сидеть на таких сайтах и переписываться с теми, кто еле собирает предложение? Разумеется, так сидят желающие улучшить лингвистические умения и помочь друг другу. Оптимальной компании все равно не нашлось. Мексиканец и раньше к таковой не относился, а теперь и вовсе не пишет. Русский еврей, видимо, не нашел в себе сил читать ее стихи и восхищаться чем-то кроме своей персоны. Пакистанец молчит, да и вряд ли с ним получилось бы интересное общение. Такое и с русскими не получалось, и коль уж Бог свел с этим человеком – она его не отпустит!

Спустя какое-то время он попросил больше фоток с ее лицом, уточнив, если ей не хочется их присылать, он поймет. Почему бы не прислать? У южных мужчин какое-то нездоровое притяжение к светлокожим блондинкам. Слава Богу, этот не скатился до банальности назвать ее ангелом! Как оказалось, до поры. Пока же писал, что скинул ее мейлы и фото на флешку и в свободные минуты перечитывает письма, ставшие для него единственным источником отдыха и вдохновения, и любуется ее невинным чистым лицом, которое могло бы украсить поэтический сборник, ибо воплощает все его представления о божественном. «*Такое удовольствие находить невыразимую красоту в твоем лице, как для тебя, наверное, читать интересные тексты рок-команд, требующие перевода и разбора. Нет, даже больше! На черно-белой фотографии ты похожа на ангела, которого я в детстве видел во сне. А на цветной твое лицо такое нежное и чистое, как роса на кончике травинки. Если бы я мог собрать ее поцелуем, это погасило бы огонь в моей душе».* Она не знала, как реагировать на такие слова, но благо, письма длинные, и реагировать есть на что кроме. Такие комментарии она обошла стороной. Он это заметил и похвалил ее изворотливый ум.

Она еще стояла на остановке, дожидаясь маршрутки, когда зазвонил телефон. Институтская подруга предложила встретиться и сходить в пиццерию. Что ж, идея отличная, перекусить после плаванья хочется, да и деться некуда. Она перешла на другую сторону и стала ждать другую маршрутку.

Однажды она написала в конце «искренне твоя» – невинная приписка, которую восприняла почти как «май диа френд», но все же написать такое было сложнее, чем «с лучшими пожеланиями» или «до скорого». В следующем письме он спросил: искренне моя? «*Скажи, мой друг, как ты относишься к этим словам? Они для тебя формальность или нечто большее? Знай, для меня глубина этих слов огромна, и я буду нести их тяжкий груз с невыразимым удовольствием. Очень часто я напоминаю окружающим и себе самому (и считаю это плохой привычкой), что я офицер полиции. Зто так: я злой и страшный полицейский, в 2003м году я каждый день видел по пять изуродованных трупов на своем рабочем участке, и эта картина не производила на меня никакого впечатления, но твои слова почти заставили меня плакать».* А написала она всего лишь, что - он единственный человек, с которым она общается в сети, и если он уедет в совершенную глухомань и не сможет переписываться, она не станет оплачивать интернет в следующем месяце. О том, что уедет в глухомань, он предупредил заранее, да и вообще в Тиморе такой интернет, что песню полдня выкачивают, а платят за него двести долларов в месяц. Почему его так тронули эти слова? Может быть, «ты - единственная причина остаться в сети» звучит категоричнее и как-то… безнадежнее?

Ирина уже ждала ее у пиццерии – маленькая, коренастая, в черном пальто и в черной шапочке, с сумкой цвета хаки через плечо. Хорошенькая и веселая, правда, очень своеобразная. Ирина жила в сети лет восемь, с первого курса института. У нее друзья в Японии, я Австралии, в Малайзии, одно время она чатилась с турками и румынами, даже пыталась выучить языки. Были и русские друзья – одинокие плаксивые дамы лет тридцати, пережевывающие некогда неслучившуюся любовь по всему интернету и напрасно пытающиеся найти утешение у таких непосед, как Ира. Но она умела быть чуткой и воспитанной, откликаться на все и даже кого-то выслушать. Как только у нее появлялась новая музыкальная любовь (что случалось каждые два месяца), она вступала в фан-группу и, пообщавшись с единомышленниками, добавляла новых друзей. Для нее процесс сетевого общения был столь же естественным как для других кофе на завтрак, и редко она относилась к этому серьезно. Случалось, ее доводили, аж сыпь на лице выступала, и Ирина не показывалась из дома пару дней. Впрочем, она и так редко выходила - нигде не работала, а реальных друзей кроме главной героини нашего рассказа у нее

нет. Со многими интернет-френдами она впоследствии встречалась и периодически обращалась к ним за помощью (переночевать после концерта, взять напрокат фотоаппарат), но друзьями они не становились. Иринино своеобразие не всякий готов терпеть, и уже через пару недель начальные энтузиасты, узнав ее поближе, остывали. Либо учили жизни, что самой Ире не нравилось, поэтому остывала она, но никогда никого не отталкивала до последней капли терпения. Разругавшись с кем-то до задымления клавиатуры, она удаляла неугодных из друзей и совершенно о них забывала.

В пиццерии мало народу в этот час. Девчонки сели подальше от телевизора с попсой, и Ирка начала делиться новостями. Ей как никогда хотелось пообщаться с «умным человеком».

У нее в отличие от подруги была какая-никакая реальная жизнь, но скорее никакая, поэтому Иру не интересовала. Сама Ирка редко говорила о родных, с которыми не слишком ладит, о бабушке, которая живет в телевизоре и газетах, свято веря всему, что покажут и напишут и после этого учит внучку жизни. Книжные и киношные вкусы у подруг редко совпадали, поэтому прочитанное и просмотренное почти не обсуждалось. Ей сложно распространяться о восприятии альбома Porcupine tree или Staukind, и она знала, Ирка не поймет и половины, даже если выслушает. А потом забудет, даже если поймет. Ее симпатии к музыке начинались с симпатии к музыкантам, в частности, к внешности, так что восклицания нашей героини о сочных рифах и хрустальных клавишах останутся неуслышаными до того момента, пока Ирка не увидит фотку исполнителя. Тогда будет ясно, стоит слушать или нет.

- Пицца сегодня как никогда вкусная! – широко улыбнулась Ирина.

- Да вроде как обычно, - она так голодна, что проглотила не жуя и не почувствовав вкуса.

- Не, ты просто не обратила внимания.

- Может быть.

Подробностями сетевой жизни не тянуло делиться ни с кем, тем более с Ириной. Хотелось сохранить маленькие милые тайны только для себя, а свои ощущения тем паче. Разве можно сказать, что бангладешский друг написал ей нескладный наивный стишок на английском, в котором зашифровал послание? Всего одна фраза, но она никак не могла ее найти. Тогда он подсказал, как искать: берем по одной букве из каждой строки, соответствующей номеру этой строки – первая строка, значит, первая буква, десятая – значит десятая. Получилось «я люблю тебя». Банально, если не брать во внимание, сколько нужно провозиться со стишком на неродном языке, шифруя послание. Она ответила, что он настоящий детектив. «*Возможно, ты не поверишь, как после двадцати дней интернет-переписки я мог написать, что люблю тебя,* - отозвался он, - *но я уверен, что в кои-то веки встретил человека, которому могу всецело доверять - прямого, честного, открытого, ответственного, - и мне неважно, откуда он, кем работает, какая у него семья, что приключилось в его жизни, и какую религию он исповедует. По твоему лицу и твоим письмам можно сделать исчерпывающие выводы».*

Ее радовало, что любовь он понимает куда шире, чем отношения мужчины и женщины, едва ли возможные в веб-пространстве. «*Ты пишешь мне длинные и красивые письма, делишься мыслями и переживаниями, находишь лучшие фотографии, переводишь тексты песен, чтобы я смог понять, тратишь на меня время – значит, ты тоже любишь меня».* Никогда она не встречала человека, который так живо откликался бы на самые незначительные проявления участия. Он заметил вскользь, что его мама сильно болела, пока он рос, и ей было не до него, потом он учился в кадетском колледже (или корпусе), а там вообще никому ни до кого дела не было. Когда же он закончил колледж, умер отец, а старшие братья и сестры были заняты созданием собственных семей. Вероятно, в его жизни был и любимый человек (этот эпизод он не комментировал, просто обмолвился, что любовь была фальшивкой). Предположив, что поделиться с человеком, с которым лично не знаком проще, чем с близким другом, она предложила ему открыть свое сердце. Он согласился с доводами, пообещав рассказать все, как только вернется из Тиморской глухомани. Одна из причин, почему она искала такого общения – научиться ко всему проще относиться. И угораздило же наткнуться на человека, который относится ко всему в разы серьезнее, чем она! назвали «мой дорогой друг» – у него праздник, «искренне твоя» – вообще сумасшествие. Хорошо, что он не вознамерился приехать в Россию и жениться, как только она ответила, что тоже любит его. Конечно, любит – как и должен христианин любить всякого человека, ближнего или дальнего, какой угодно расы и вероисповедания, из любой страны мира. Она давно считала, что не умеет любить, христианизироваться предстоит всю жизнь, и что она мизантроп (Malice Misanthropic, даже «реальные» друзья обращались к ней Мэл). Но многие убеждали ее в обратном, хвалили за чувство юмора, за искреннее участие, за дружескую поддержку и готовность

прийти на помощь. А разве это не любовь? Но ей так не казалось: все хорошее, что делала по отношению к людям, не стоило ей ничего, а если и стоило – она никогда об этом не задумывалась и с открытым сердцем предлагала свою помощь, даже заведомо зная, что это обернется во вред. Ей проще пережить личные неудачи с сознанием, что помогла человеку, чем мучиться от чувства вины после отказа. Разве благоденствие принесло бы ей счастье? чистая совесть – лучшая подушка. Помогать людям, просят они, или о просьбе можно только догадываться, естественно и малозначимо. Она быстро забывала о своих добрых деяниях, а вспоминала только, когда обласканный человек предавал или подводил. Обида выливалась слезами, но не упреками.

Он, правда, куда более внимательно относился к своим добрым делам и собственному времени и не раз обращал ее внимание на то, как много думает о ней, какой адский труд вложил в этот стишок и шифр и проч. Она чуть не разозлилась и не написала, что никто не заставлял его шифровать эту фразу, можно было сказать прямо, и не надо заставлять ее чувствовать себя обязанной за то, что он просто не мог думать ни о чем другом. Но посчитав такую речь излишне жесткой (а он, судя по всему, человек ранимый и жизнью битый), она вычеркнула ее из своего письма и спустя день, вспомнив о нем, написала стих на русском. Поколебавшись секунду, перевела на английский и отправила, посчитав, что поделиться нужно, раз уж написала. Будем убивать добром и любовью! Выстрел оказался убойным, как и следовало ожидать. «*Ты не представляешь, как много значит для меня, что кто-то думает обо мне, любит меня и даже впервые в жизни мне посвятили стихотворение! Оно дарит мне столько энергии и вдохновения, что я лечу на крыльях!*»

Покончив с пиццей, девчонки пошли гулять по городу. Было солнечно, и даже тепло, рюкзак с плавательными принадлежностями не тяготил. Надо бы купить болванок и прочую расходку, а в остальные магазины заходить не за чем. Фильмы и музыку можно найти в интернете, никто уже не тратил на это денег. Книги? Много еще было нечитанных, хороших и умных, а за новинками девчонки не следили: филологическое отслеживание притязательно, многая современная литература не выдерживает.

Он умудрился написать ей уже после отъезда в Дили, хотя предупреждал, что не сможет. Она все же проверяла почту и вдруг… письмо! В том состоянии, правда, не слишком обрадовалась весточке. За следующий месяц придется платить, абонентскую плату сдерут, даже если интернетом не пользуешься. А она хотела не пользоваться, отдохнуть от него, но денег жалко. Лучше уж заплатить за пользование, чем за долги. О потере денег человек переживает так же, как и о любой другой потере - где-то прочитала, но еще не испытала на себе. В погасшем состоянии она писала заунывное письмо, еще и опечаталась: вместо it was unexpectable написала unrespectable, так как слова unexpectable в английском языке не существует, и «ворд» любезно поправил лингвистические креативы незаметно для нее[4]. Есть unexpectedly, но ей приспичило изобретать велосипед. Обнаружив ошибку только через пару дней, она поспешила отправить извинения с поправкой. Еще через два дня пришло письмо от бенгальца, которое он не знал, как начать. «*Сначала я подумал, что ты написала «неуважительно» по ошибке вместо «неожиданно», но потом понял, что не прав».* Пролистав письмо и ужаснувшись объему, Мэл отправила поправку еще раз. Нужно было убегать на встречу с друзьями, и дочитать огромное письмо сразу она не могла, зато весь вечер дергалась, не в силах думать о чем-то другом, расстраивалась и портила всем настроение. Придя домой, она тут же села за компьютер и внимательно прочитала письмо целиком. В тринадцати пунктах азиатский друг анализировал свое поведение, силясь понять, чем он мог обидеть ее, что в его письмах показалось ей неуважительным. Он перебрал буквально все, с тщательностью достойной детектива, и она, читая ее труд, ломала руки и чуть не плакала от досады и сознания собственной тупости. Четырнадцатый пункт гласил, что ее поправка только что получена, «*но раз уж я писал это все четыре дня, тебе придется прочесть, ха-ха-ха!»* Очень смешно! Теперь она стала рвать на себе волосы, выдумывая, чем же ОНА могла обидеть его, раз он сначала воспринял все правильно (в его английском лексиконе слово unexpectable существовало так же, как и в ее воображении), но потом «понял, что не прав». Почему??? Она уже догадалась, но поленилась

---

[4] Unexpected**ly** – неожиданно; Unrespect**able** – неуважительно. Ошибка в словообразовании, характерная для изучающих английский. *Able* – суффикс прилагательного, а *ly* – наречия, но есть исключения. Мэл образовала прилагательное от глагола *to expect* (ожидать), а программа «Ворд» автоматически исправила «ошибку», сохранив форму слова, но изменив смысл (ср. *expect* – ожидать \ *respect* - уважать).

записывать стройную цепь рассуждений, предоставив это ему, коль уж он находит в этом удовольствие. Все, в общем, ясно: сначала это «неуважительно», потом «я была шокирована» (в смысле приятно удивлена, но после «неуважительно» он понял его не так даже со смайлами), потом ее нытье и ободрение по поводу их вынужденной разлуки («*даже хорошо, что так получилось, мне надо побыть одной и подумать, встретить весну, так сказать»*). Он воспринял это на свой счет, решив, что она хочет от него избавиться, но высказывает по возможности деликатно. Нет, это естественное состояние в Великий пост, когда-то это должно было случиться, как бы бодренько он ни начинался. Но разве такое объяснишь мусульманину! Пусть даже не запаренному на религии, которому, в общем, все равно, как он утверждал. *Я верю лишь в человечество*. Вот уж во что я совсем не верю, - подумала она тогда, но решила этой темы не касаться. Они совсем другие, все равно ничего не поймут, к тому же, на английском богословская лексика звучит банально и пошло, почти как юридическая. Как можно говорить о Христе, не продравшись через языковой барьер английской религиозной банальщины? Да еще и мусульманину… нет, это слишком! Ювелирная работа, которая пока не по силам. Но она уверена, что он к ней прислушается и хотя бы из уважения не станет противоборствовать. В любом случае, выливать на него душевное дерьмо не следовало. Обычно она справлялась с такими порывами и даже близкие люди ничего не знали о ее переживаниях, но в этот раз почему-то не получилось. А он написал, что, получив известие о болезни мамы, вернулся в Бангладеш, сменил караул братьев и сестер, племянников и племянниц, взял ноутбук и настрочил Мэл это гигантское письмо. «*Время, чтобы побыть одной, бла-бла-бла*… - писал он в пункте номер четырнадцать, - *хорошо, я дам тебе время, хотя могу каждое утро что-нибудь писать. Но пожалуйста, не медли с приговором, смертная казнь на целый месяц – это перебор».* Пиши ради Бога, когда будет возможность! – ответила она в своем полном извинений долгом письме. Но он молчал пять дней после этого, и она не находила себе места, раздражаясь проверкам почты по сто раз на дню. И все ничего, ничего… только какой-то перуанец написал, но она сразу почувствовала, что разговор не продвинется. Ему двадцать два, он разговорчив и хочет практиковаться в устной речи, зовет ее в скайп, а получив отказ, заверяет, что и письма писать ему тоже нравится, без проблем, я многому учусь у тебя, таких слов даже не знал! Однако разговор пришлось вести ей, вытягивая из него информацию. Скажи мне то, напиши это, поделись впечатлениями, мнениями, ощущениями… и он делился, но так плоско и лениво, на две строки. После писем из Тимора такое и письмом не назовешь – расширенная эсэмэска. Понятно, он еще молод, и биография не столь интересна, как у офицера 37 лет, но… ей двадцать пять, а она о себе тома пишет! Это вопрос восприятия и внимательности к собственной жизни. Значит, Гастон оказался простоватым (Гастон Лопес, по-человечески!). О чем же с таким в скайпе трындеть, если и написать друг другу нечего? Да еще и пялиться в монитор на незнакомого парня, и Бог весть какой у него акцент! Нет, такие окна ее не устраивают. Бенгалец даже не заикнулся о скайпах и видео-чатах в отличие от всех остальных. Тиморский интернет такого не осилит, и обсуждать нечего, но все же, даже тут отличился.

Она ехала домой в надежде поскорее добраться до ящика и возможно, найти письмо. Виртуальное общение стало самым реальным за последнее время. Восемь дней и никаких вестей, хотя она извинилась за все заранее и простила его за несовершенное. Невнятное чувство вины и неопределенность выматывали, компьютер притягивал к себе, и она почти физически ощущала прикованность к нему невидимыми цепями. Она стала сгорбленным признаком, проверяющим почту каждый час и ни о чем кроме этого человека не думающим. Как ужасно упрекать себя в причинении кому-то боли! Не пойми чем и как, не зная, как исправляться… если сегодня она не найдет его письма, отправит то, что заготовила. Все решено.

Ворвавшись в квартиру, на ходу переодеваясь в домашнее, ставя чайник на огонь, она включила компьютер. Пока он просыпался, разбирала рюкзак и мыла руки. Открыв интернет-браузер и зная, что тот еще долго будет думать, прежде чем выдать стартовую страницу, побежала на кухню и налила себе чая, не поняв даже, хотелось ли. Пока открывался гугл, сердце радостно подскакивало, и по телу разливалась теплота. Нервы неприятно звенели, но это мелочи.

Письмо называлось «Разочарован». Он всегда давал письмам заглавия, а она только отвечала на его темы. От такого названия все внутри похолодело. Лучше бы вообще никакого не получать…

«После шести дней тишины я открыл ноутбук и был ужасно разочарован, не обнаружив письма от моего ангела. Но потом я проверил папку «отправленные» и понял, что срочное письмо, которое я написал до отъезда в Индию ты, вероятно, не получила.

Мэл, мы отвезли маму в Бангалор, где ее прооперировали, и недавно она пришла в себя. Теперь все хорошо. Я вернулся в Бангладеш, а с мамой остался брат и его жена.

Из Бангладешской больницы маму направили в Индию, а оттуда в неврологический центр, и у нас было очень мало времени на оформление визы и других документов, но я умудрился написать короткое письмо о своих передвижениях, и, видимо, по причине спешки, не отправил.

Без колебаний сообщаю, что ужасно скучал по тебе все это время. А как ты, Мэл?»

Он еще спрашивает! Что ж, она ответит честно. Она устала всего бояться. Так много других прекрасных чувств! Когда кто-то на другом краю света думает о тебе, скучает, ценит все, что ты можешь сделать для него, понимает о тебе после четырех писем и двух фотографий больше, чем друзья и родные… чего бояться?

И она написала все честно, даже цитировала письмо, которое хотела ему отправить, приняв на свой счет его долгое молчание. Две страницы (теперь она писала только в ворде, дабы тщательно проверить каждое слово). Она строчила весь вечер, собирая мысли, события, факты, чувства – все, чем хотелось поделиться. А делиться с ним можно чем угодно.

Что собственно он о ней знал? Что у нее есть папа и мама, что она любит дождь и прохладную погоду, пиццу и кока-колу, плаванье, рок-музыку, играет и пишет стихи. Он считал ее красивой, а в ее чуть раскосых глазах видел мудрость, которой не замечал больше ни у кого. Знал, что она учит детей английскому и много читает. Но ведь он даже не спрашивал, это выплыло как бы между прочим. Им было о чем поговорить, а когда не находишь общих тем, начинаешь спрашивать о семье и увлечениях, хотя это уже неинтересно – так, поддержать разговора.

На следующий день он написал длинное, эмоциональное послание под названием «Панацея». С прошлым письмом она выслала еще несколько своих фотографий по его просьбе. Его комментарии не исчерпывались перуанским «ты такая милая!» или мексиканским «ты похожа на ангела». Он комментировал каждую на километр и делился мыслями так открыто, что она то хохотала, то смущалась, то взволнованно подпрыгивала на стуле. Ладно, когда тебя сравнивают с Моной Лизой, потому что в твоем взгляде есть все: боль, желание, тайна, а улыбка придает этому всему особый колорит – еще полбеды. Но когда она прочла: «я не могу контролировать свое желание» (причем, physical desire[5]), это ее озадачило. Как иностранец, он своеобразно пользует английский, и некоторые словосочетания и обороты казались забавными. Так и здесь: возможно, он имел в виду не sexual arousal, а всего лишь порыв обнять и поцеловать, как и написал далее. Она долго вглядывалась в фотку, которая так его будоражит и не нашла ровным счетом ничего противозаконного: лицо слегка засвечено солнцем, глаза в очках и обычной раскосости, легкая улыбка, не показывающая зубов, распущенные волосы чуть ниже плеч. Собственно, до плеч и вся фотка, горловина полосатой водолазки почти скрывает шею. Чего там желать? Она покачала головой, успокоившись. Нет, фотка при всей простоте действительно хорошая. Даже ей нравилась.

Она давно не видела себя со стороны: фоткать некому и повода нет. Во время семейных торжеств родственники вечно производили фотосъемку, а потом плевались, ибо никто себе не нравился. Она старалась как можно меньше попадать в кадр. Все, что могла отправить – свое лицо, снятое на мобильник ею самой, на расстоянии вытянутой руки. Камера захудалая, но единственные фотообработки, к которым она прибегала – обрезка (безвкусица, когда в кадр попадает заваленное шмотками кресло) и автоматизация изображения, если эффект ей нравился. Если нет – черно-белое или сепия, иногда дуалтон. Программы самые примитивные, в стандартом наборе виндоус. После таких реакций отпадала всякая необходимость себя приукрашивать и казаться лучше, чем есть. Чтоб казаться хуже – достаточно отправить одну из фотографий, сделанных родными. Ее ангельское величие сразу падет с олимпа.

Но сейчас ей не до цинизма. Она тихо таяла от счастья, читая его письмо. Теперь ей будет, на что потратить полдня! Разумеется, она всегда отыщет себе дело, но в последнее время, не обнаружив в ящике заветного письма, она и не желала ничего отыскивать, из рук все валилось, и мысли были заняты вопросом: «почему он не написал?».

---

[5] Physical desire – досл. «Физическое желание». Носитель языка назвал бы данное состояние sexual arousal (сексуальное возбуждение).

Она тщетно пыталась разобраться в себе и понять, почему этот далекий человек стал не просто частью ее жизни, а почти всей жизнью. Не слишком ли много для того, кого ни разу не видела? Сколько книг на эту тему, сколько фильмов! А стоит встретиться – и сплошное разочарование. Все мы смотрели, читали и знаем. Она и не горела желанием его увидеть. Поначалу тем более, а потом… он написал, что одна из его русских коллег (Галина) сказала, что из Москвы до Тулы можно добраться на автобусе. «*Из Восточного Тимора в Индонезию, оттуда в Бангладеш, а потом в Москву и на автобусе в Тулу – все правильно?»* – уточнил он. Весь маршрут до Тулы был для нее загадкой, но впечатлил. Неужто человек готов преодолеть это расстояние, чтобы встретиться с ней? Тогда еще он никуда не уезжал из Тимора, все было в порядке с мамой, и они только начали доверительно общаться. Он писал, что хотел провести отпуск во Франции, но променял бы ее на Тулу, если это не слишком дорого. Она заморочила ему голову фотографиями своего города, сделанными Иркиной знакомой москвичкой. Иногородние склонны замечать детали, которые давно не видят местные. На этих фотках Тула выглядела прекрасно – красивые храмы, фонтаны, ровные дороги, зеленые деревья, цветы, солнце. Конечно, Ирка отвела подругу в Ясную Поляну и там нафоткала вдоволь. У Мэл и мысли не было влюблять чужестранца в свой город, и на ее взгляд, фотки были хорошими, но не идеализирующими. Ему нравилось безлюдье, простор, чистота (надо уметь снимать!), бамбуковый мостик в Ясной, Воронка, похожая на озера в Швейцарии (фотографы тактично обошли мусорные берега, о чем она сообщила в письме). И все-таки он влюбился в этот город. Нет, это все еще вилами по воде, но если он всерьез надумает сюда приехать, она честно напишет обо всем, дабы у него не было иллюзий о России. Францию променять на Тулу? безумие!

Узнав о возможности приезда заморского гостя, все перепугались: куда мы его денем? У нас даже кладовки нет, не говоря уже об отдельной комнате! разумеется, в гостинице. Он взрослый, самостоятельный. Придется подготовить его к тому, что персонал тульских гостиниц по-английски не говорит, а номера там… впрочем, об этом она только догадывалась. Иногородние помнила, и в целом они пристойные, но советская мебель удручает, кровати отчаянно скрипят, окна порой не открываются, слава Богу, душ работает. Если Бангладеш – бедная развивающаяся страна, то он будет не в претензии, хотя успел поездить и по другим странам – развившимся и богатым, включая Австралию. Там уж, наверное, тараканов нет.

- У нас хреновее всего, - предполагала мама, - я думала, Ливия задрипанная, а показали по телику – через каждые десять метров заправка и дороги как стекло.

Состояние наших дорог словами не описать, тем более иностранцу. А хотела ли она, чтобы он это увидел? Не будет ли стыдно? впрочем, почему? Правительство и родина вещи разные, да и она не в силах ничего изменить.

Как вообще рассказать о России? Он ведь никогда не видел узоров на стеклах, гор снега, серой весны, православных храмов. Не опишешь вкус блинов и борща, гуляния в Ясной на масленицу и звук балалайки! Это и не самое показательное, как ей думалось, а только внешнее и поверхностное, но как через это приоткрыть двери в более глубокое?

Несколько раз, бредя по своей одинокой улице, ежась от холода в конце марта, она вспоминала о нем, и ей хотелось показать ему свой город. Интересно, что бы он сказал о том и о сем, как бы воспринял то и это… она думала так еще до того, как он написал, что встреча возможна. Самое забавное, он сообщил об этом на следующий день.

Если и приедет, то в последнюю неделю июня. Что можно почувствовать в России в такое время? Ни грязи непролазной, ни снега, ни узоров на окнах. В Бангладеш зима не холоднее плюс семи по Цельсию. Живут же люди! – скажет кто-то. Но нет, это кому как нравится, а она четко осознала, что полюбила русскую зиму, и мысли о предстоящем лете наводили тоску. Два месяца ослепляющего ненавистного солнца, потения, духоты, дурацкой одежды, когда вынужден ходить полуголым, а чувствовать себя почти голым, никчемные дни в собственной комнате, в которой солнце не гаснет с трех часов пополудни, а дверь закрыта потому, что шумы раздражают. Как раздражает и открытость комнаты, и любой идущий из зала на кухню будет видеть ее как на ладони. И что делать? пялиться в комп или пытаться читать под бряканье посуды и рев телевизора? Во дворе не спрячешься – так же жарко, соседи и неудобные лавки. Встречаться с Иринкой в городе просто пытка, а больше негде. Обливаться потом в общественном транспорте, слушать попсу со всех сторон – во дворе, на речке, из каждого ларька. Вся страна зудит как улей, предаваясь тупому отдыху. И об этом мечтать?

Он писал, что ему нравится погода +18 или 20 – это осень в Бангладеш. А там постоянно +33 и влажно, но поскольку большинство людей консервативные мусульмане, нанизывают на себя много одежды и потеют. Если бы он приехал – хоть неделю она провела бы не как обычно, а остаток лета смаковала бы впечатления. Именно эта мысль настраивала на позитивный лад относительно возможной встречи. Поначалу именно она, но только ли?

Ее ученица – администратор гостиницы, можно поселить его туда. Ей будет спокойней, что знакомый и ответственный человек хоть чем-то ей поможет. Заодно попрактикуется в инглише! Вот был бы юмор! Родственники в туристическом бизнесе, а в частности в Ясной, тоже пригодятся - хотя бы пару дней будет куда деться. Она слишком плохо знает свой город, ничего показать не сможет, а гулять по проспекту всю неделю - с ума сойдешь. Но ведь он не с туристическими целями сюда приедет… Во всяком случае, не только с ними. Это радовало и пугало.

Весна никак не наступала. Даже в середине апреля холодно, снег еще не растаял. А он писал, что следующие пять дней не сможет общаться, потому что уезжает в Малайзию, оттуда – в Бали и наконец обратно в Восточный Тимор, в Дили и еще тринадцать районов, где нет интернета. «*Но я попытаюсь найти возможность написать, пока буду в Малайзии и в Индонезии».* Она расстроилась: целых пять дней не получит от него письма, и мысль о том, что в пост надо думать о другом, слабо утешала. Взялись рьяно, рвения хватило недели на три-четыре. А пятая и шестая прошли так ужасно, что лучше не вспоминать. Если бы он сказал точно, что пять дней писем не будет – можно вообще не включать компьютер и не ждать. Но все-таки возможность есть...

«Вчера в Бангладеш был шторм, который случается каждый апрель. Много деревьев поломало, кабели порвало. С прошлого вечера Дакка осталась без широкополосного интернета. Я сделал все возможное, чтобы починить его как можно скорее, используя служебное положение. Вместе с подчиненными расчищал дороги и соединял провода. Мэр города и другие власти спрашивали, почему я так завелся. Они не знали, что я жду твоего письма.

Моя любовь, я напишу тебе длинное письмо завтра, а сейчас скажу только, что после прочтения твоего послания я стал самым счастливым человеком в Бангладеш. Будь артериальным конусом моего сердца, а я буду твоим окном во внешний мир. Ты сможешь увидеть его моими глазами, а я смогу вновь полюбить человечество твоим сердцем».

Она не стала отвечать в ожидании обещанного длинного послания.

* * *

Суббота. Мэл не хотела лезть в интернет до уроков, зная, что если найдет письмо, оно будет долгим и потребует внимания. Но появилась сестра и полезла в фейсбук. Мэл пила кофе на кухне и думала, если успеет, проверит почту сейчас. Это недолго – просто проверить. Письмо называлось «Послание с неба». Но дочитать не успела и оставила страницу открытой. После первого урока выяснилось, что второго не будет, и день в полном ее распоряжении. Она сразу кинулась дочитывать послание, потом есть и собираться. Преступление сидеть в душной комнате в такую погоду! Когда весточка получена, ничего не держит.

«Я назвал письмо так в ответ на твои слова:

«Думаю, те, кто открыл сердце раз, легко делают это снова, хотя и зарекались закрыться навсегда и быть осторожными. Я забыла все заветы и готова без страха открывать сердце снова и снова. И это так приятно, когда кто-то в состоянии оценить подвиг!»

В моей душе горы дерьма из прошлого, но с твоим появлением началась новая жизнь. Открывая свое сердце, ты открываешь передо мной новый горизонт, и я даю тебе слово, что даже пылью лжи не замараю это небо».

Так хотелось поверить! Она собирала в рюкзак плавательные принадлежности со скоростью сверхзвукового самолета (это выражение она позаимствовала у него). Впрыгнула в черные джинсы, натянула черную футболку, черные сапоги (уже весенние), на ходу застегивая куртку, взвалила рюкзак на плечи.

- Пожалуйста, поприветствуйте, группа «Поркьюпайн три»! – раздалось в наушниках, и под воодушевленное гудение зала, она поскакала на остановку.

- Вообще-то я один, - скромно поправил Стив Уилсон, и всеобщий смех утонул в первом гитарном аккорде.

Она полутанцуя-полуподпрыгивая обегала ямы, почти не касаясь земли. Вспомнилось совсем не то, что играло. При всей любви к Уилсону, но не сейчас…

Забившись в маршрутку, нашла в плеере альбом «Шакры», который месяц назад рецензировала, хотя послушала фоном только раз и не до конца. Слишком он весенний, бодрый, искрометный. Так и хочется не просто бежать навстречу солнцу, а лететь! тогда это состояние было непонятно, но она знала, что скоро наступит весна, и альбом дождется своего часа - даже предусмотрительно скинула его на флешку. Вот и дождался.

Как ты можешь причинить мне боль? Ты далеко, и я тебя никогда не увижу. Но приятно, что ты понимаешь меня и думаешь обо мне, приятно быть важной для тебя. Быть твоим ангелом, быть для тебя красивой, знать, что ты ценишь мой ум, а не боишься его. Знать, что каждая моя мысль для тебя важна и что ждешь новых, еще важнее. Быть осторожной, чтобы и тебе не причинить боли, в чем я, как видно, уже преуспела. Просто знать, что есть кто-то, способный принять тебя такой, как есть и даже любить за это. Пусть в каком-то Бангладеше, формальный мусульманин, смуглый и коренастый, небольшого роста, с выпадающими волосами. Подполковник полиции ООН! Да мне ведь все равно, кем бы ты ни был. Никогда не думала о таком… жизнь намного веселей, чем можно представить!

Она не могла сдерживать улыбку, не могла не притопывать ногой в такт музыке, не могла не радоваться чудесному дню, родному городу, восторженной аритмии сердца. Некоторые пассажиры улыбались, глядя на нее, и она рада в кои-то веки поделиться не хмурым выражением лица.

Я влюблена, - сказала она себе, - почему бы не признать это? воображаемый оппонент ответил это невозможно! неправильно, безнадежно. Знаю, - расплываясь в широкой улыбке, ответила бы она, - но меня это не пугает. Можно подумать, когда было возможно, что-то вышло! Все обернулось куда как невозможнее! Мечты о семье и детях никогда не были моими, мне нужно само чувство. Вновь ощутить пульс этой жизни, отбросить старый хлам и распахнуть сердце для новых впечатлений, новой жизни.

Она выпрыгнула из маршрутки и бодрым шагом пошла к бассейну, преодолевая желание бежать вприпрыжку. Как приятно – идти по городу и не опасаться, что можешь встретить ЕГО! А если встретишь – промямлить жалкое «привет», ведь больше нечего (и так было всегда!) сказать друг другу. Зато сердце будет скакать галопом, полдня не остановишь, будешь краснеть и бледнеть, вздыхать и ждать, надеяться на что-то и мусолить воспоминание об этой встрече еще восемь лет, забивать голову мыслями о своем ничтожестве, незначительности в его жизни! А он, который однажды преодолел расстояние в десять, да ну, в шесть! шесть километров, чтобы прийти к тебе на день рождения, осыпать комплиментами, а потом слинять, испугавшись твоего ума и променяв его на посредственность – стоил ли он этого? Ведь давно знаешь, что нет, так замолчи! Какой ужас! Хватит уже, надоело!

Давно… Господи, как же давно она не чувствовала в себе такой кипучей, бьющей через край энергии, такого желания жить! Хотелось крутиться волчком на месте, визжать и пить эту жизнь огромными глотками грязного городского воздуха, с пылью и гарью. Как она могла влюбиться в мужчину, которого никогда не видела? Виртуальное общение, милая, не требующая ничего любовь, легкая и приятная, доставляющая одни только радости. Никаких тахикардий и порванных нервов. Сердце бьется быстрее, но без неврозов, без истощений и изможденій, бессонницы и потерь аппетита. Потому что не о чем волноваться, ничего не случится между ними, а потому так просто осчастливить себя этой любовью. Даже ему знать необязательно. И сердце открывать не страшно, когда уверена во взаимности. Она успела подзабыть это состояние, чтобы всерьез чего-то испугаться. И что? спама бояться - в интернет не ходить! Ни ревности, ни страха невзаимности или предательства. Ей не нужна перспектива. Только это чувство, только свежая кровь, новая жизнь. Сирано де Бержерак! Точно! Такие истории случались всегда – ведь влюбилась девчонка в этого носастого и страшного, читая его письма! А лорд Байрон сказал: ты не знаешь женщину пока не получишь от нее письма. Значит, он знает о ней больше, чем кто-либо, возможно больше, чем она может выразить. Так чем же плохи письма? Можно и в реальности пустить пыль в глаза. Многие обманываются и спустя десятилетия выясняют, что совершенно не знали человека, с которым прожили жизнь.

Во время плаванья она сочиняла письмо, но так и не смогла привести мысли в систему. Так много хотелось сказать, стольким поделиться! И тем приятнее, когда знаешь, что он всему рад. Однажды она написала недлинное письмо, так он ответил: «Я не удовольствуюсь таким коротким посланием. Твои письма никогда не наводят скуку, и я радуюсь длинным куда больше, чем коротким.

Пиши больше, делись большим, люби больше!» И она готова делиться всем, что лежит грузом на сердце, всем, что приходит в голову в ту минуту, пока она сидит за компьютером, всем, о чем думала пару дней назад.

Она бежала на остановку, словно не проплыла полутора километров. Улыбалась прохожим и наслаждалась музыкой, хорошей погодой, выходным днем и этим давно забытым, нахлынувшем внезапно чувством. Она знает об этом человеке больше, чем знала о тех, кого удостаивала этим даром раньше. Только тех знала лично, но это не помогло им стать ближе. Господи, как надоело об этом помнить, мучиться! Теперь есть о ком подумать.

Маршрутка подошла довольно быстро, и Мэл даже удалось занять место, так что домой ехала с комфортом и с той же «Шакрой».

«Я давно не видела себя такой счастливой, - писала она, проглотив винегрет и тарелку супа, - я не узнаю себя! И все из-за тебя… - подумав секунду, она конкретизировала: из-за твоих писем и любви, которая дает мне столько сил, тепла, энергии и вдохновения. Спасибо тебе за самый факт появления в моей жизни».

Письмо заняло два листа и весь ее вечер, но это приятные хлопоты. Когда нечего писать, она не знала, куда себя деть.

Он писал из Куала-Лумпура, из Денпасара, и снова из Дили. Писал, в какое время куда приезжал, в каком отеле останавливался, с какими приключениями разыскивал интернет-кафе, чтобы получить ее письмо и отправить ответ. Камера осталась в Тиморе, когда он улетел в спешке, получив известие о болезни мамы, поэтому не мог поделиться местными красотами. Зато прекрасно их описывал, и ей нравилось читать его рассказы. Эти южные края, о существовании которых она едва подозревала, были для нее чем-то дивным и неведомым. Там всегда лето, все в майках и шортах, море совсем рядом. Особенно красивым казался остров Бали – фотки недолго посмотреть и в яндексе. Ее никогда не тянуло в теплые страны, она вполне комфортно чувствовала себя в родной, в прохладном полумраке наступающей весны, поэтому никакой зависти или желания попасть в эти райские места не шевельнулось в душе. Просто странно и забавно, что кто-то ей оттуда пишет. А еще она немного завидовала его одиночеству и самостоятельности. Она бы хотела так путешествовать: ни от кого не зависеть, идти, куда пожелает и планировать время по своему усмотрению. Но для путешествий у нее не то здоровье и не те средства. Ей действительно пришлось увидеть мир глазами этого незнакомого человека из южной страны, а для него в Бали, Малайзии и Индонезии нет ничего необычного. Видимо, он уже много лет работает в этом секторе. Бог с ними, с чернокожими людьми, с морем и солнцем, с непонятными статуями и такой же непонятной кухней. Ее радовала сама атмосфера дальних странствий, и когда читаешь о них не в статьях незнакомых людей, не в путевых заметках не пойми кого, а получаешь непосредственные сведения из первых уст, в почти реальном времени. В Джакарте плюс четыре часа от московского времени, значит и на Тиморе не больше пяти часов сдвига. Это давало более точное представление о его образе жизни. Она хотя бы узнает географию и пополнит информацию о других странах и народах, которыми никогда не интересовалась. Всей душой тянуло на север: нравились грубоватые нордические языки, прохладная интонация и даже северный акцент в английском. Но северяне на этом сайте не сидят.

Однажды она спросила, почему он решил написать именно ей. Или писал кому-то еще? Сама в нескольких словах обрисовала свой опыт общения с иностранцами и добавила, что если он не захочет отвечать на вопрос, она поймет. В следующем письме он написал:

«Меня нет на фейсбуке, потому что сайт не нравится. Я часто бывал на эклипсе[6], чтобы поддерживать свой английский, поместил объявления на всех уровнях, и что я нашел? Засранцев, которые развлекались отправкой порнухи на мое мыло. Если ты заметила, я оставил там предупреждение от 25го февраля, чтобы люди аккуратнее открывали свои ящики и не велись на поводу у вымогателей на операции папе \ мужу и проч».

Так это был ты! – воскликнула она мысленно и открыла страницу «эклипс» со своим объявлениям. В самый первый визит, когда оставила объявление, она обратила внимание на грамотно написанное и четко сформулированное предупреждение и подумала, что его оставил модератор. Если

[6] Эклипс (Eclipse - затмение) – анаграмма, составленная из аббревиатуры названия сайта, где Мэл познакомилась с Фаридом (ECPLS – English Conversation Partner Linkup Service**).**

бы оно позиционировалось как объявление, возможно, она и сама написала бы этому человеку. Да, его имя в подпись.

«Музыка, иностранные языки, литература, спорт –сочетание показалось многообещающим, и я написал тебе сразу же».

Действительно, остальные ребята на сайте крайне вяло распространялись о своих интересах либо ввиду их отсутствия, либо плохого знания английского. Да и не во всех странах принято интересоваться многим. Можно сказать, это наша национальная черта.

* * *

Через десять дней радужный мир треснул. Еще накануне бенгалец испортил ей настроение, процитировав ее строки «мой мир стал таким тихим и пустым без тебя» и, добавив, что она поскупилась на выражение чувств. Вероятно, это всего лишь опечатка, ибо перед ее цитатой, он сравнивал подобные слова с неожиданно найденной водой в пустыне. Но где была опечатка, Мэл так и не поняла. Она удивилась, как сильно ее задели его слова. Для нее такое выражение чувств было крайне смелым. Вообще она только теперь заметила, насколько нордический она темперамент. Давно ясно, что бурное выражение эмоций ей несвойственно – они полыхали в сердце, но выплеснуть их легче в стихах и прозе, чем в открытых признаниях. Она замкнута и медлительна, необщительна, сдержана и порой слишком подозрительна. Общаясь с южанами, она осознала, насколько они другие, и как порой тяжело понять друг друга. Паточная пряность и солнечная искрометность ее раздражали. И вот каким-то чудом под влиянием бенгальца, она стала бросаться такими словами. От всего сердца. Без тени страха. Но словом можно ранить и даже убить – будто она забыла! И даже незнакомый человек может уязвить словами на неродном языке. Стало больно. Да с чего она вообще должна выражать чувства, и какие?! Виртуальные, как и вся их дружба. Ничего настоящего. Нет, глупости. По ту сторону монитора сидит такой же человек, способный думать и чувствовать, хлебнувший много страданий и надеющийся найти утешение в общении с ней. По проводам плыли его добрые слова, фотографии, песни, впечатления, описания. Это можно и выдумать, по интернету все только и делают, что врут… но как-то очень точно и естественно его истории складывались в единую картину, да и кому надо впустую тратить время на огромные письма к незнакомке, когда в жизни полно других удовольствий? Она не видела смысла во вранье, к тому же, он нашел ее не на сайте знакомств, а там, где пытаются учить английский, и писал даже не зная, какого она пола. Ей противна мысль, что он может врать, и она в это не верила.

Она написала, что такое выражение чувств более чем достаточно и немного жестко (но при этом завуалировано) добавила, что и этого можно было не выражать. Впредь она будет осторожнее.

Проснувшись, она долго ворочалась, не желая встать слишком рано, да и само пробуждение было неприятным – дышалось тяжело, и нервы звенели. Повалявшись с полчаса и поняв, что больше не уснет, она включила компьютер и нашла письмо. Ее вчерашнее замечание он проигнорировал, зато в конце написал: «Правда ли я твой дорогой друг? Но ты ни разу не спросила о состоянии моей мамы и как мне живется и работается в лихорадке с температурой. Может быть, я слишком многого жду?»

Какое-то время она переваривала последние строки. Нет, отвечать сейчас она не будет – пороть горячку не стоит, от этого никогда пользы не было. Лучше все как следует обдумать. Однако кое-что набросала:

1. Мне кажется, дружба заключается в том, что готов СДЕЛАТЬ для друга, а не СКАЗАТЬ.

2. У нас не интервью, пиши, о чем пожелаешь и обсуждай все, что хочешь, не дожидаясь вопросов.

3. Расспросы о здоровье бессмысленны, я не могу помочь тебе, а напоминание о проблемах вызовет только приступ жалости к себе.

4. Сужу по себе – ненавижу, когда кто-то спрашивает меня о здоровье или пытается изобразить сочувствие. Я справляюсь со всем сама и не требую повышенного внимания к своей персоне.

5. Я не знаю ничего о твоем образе жизни – с кем ты живешь, как питаешься, и как выглядит твой рабочий день.

Ей не стало легче, когда она высказала это себе, хотя обычно помогало. Голова болела, хотелось спать. Четыре часа все-таки мало.

Они с Иринкой договорились встретиться, чтобы купить кроссовки. Прекрасный солнечный день. Мэл облачилась в черное, глаза спрятала за темными очками и поехала к условленному месту.

Когда она стояла у выхода, держась за поручень, шофер так резко затормозил среди проспекта, что ее развернуло, и она, не удержавшись на ногах, перелетела на переднее сиденье, сильно ушиблась и в очередной раз подумала, что день отвратный.

Покупать Ире кроссовки было процедурой малоинтересной и вполне предсказуемой. Она не знала, что ей надо и даже какого размера, стеснялась дергать продавца, и Мэл чувствовала себя обязанной вести переговоры за нее. Ну уж нет, не маленькая, пусть сама разбирается, - решила она, пытаясь отвлечься от своих мыслей. Ирка так ничего и не выбрала, пришлось идти по другим магазинам. Мэл таскала рюкзак с плавательным барахлом, надеясь позже пойти в бассейн, и груз успел ей надоесть: футболка снизу задиралась, лямки сковывали плечи в сочетании с джинсовой курткой, и как она ни старалась отрегулировать длину, комфорта не получилось.

Наконец найдя подходящую обувку, девчонки добрались до кафе. Голова все еще болела, и Иркина трескотня только добавляла страданий. Пару раз Мэл ловила себя на мысли, что в бассейн идти не стоит, но, во-первых, было бы обидно промучиться с рюкзаком напрасно, а во-вторых, дома нечего делать. Лучше поплавать. Тогда все будет хорошо, она знала. Стоит до воды добраться – все оттянет, полегчает. Голова пустеет, мышцы работают. Но сначала надо зайти в аптеку за пенталгином. А еще пополнить телефонный счет.

Она дала ему свой номер, когда он попросил. Точнее, на третий раз. Первую попытку проигнорировала, во втором письме уточнила детали – не ограбит ли его. В третьем, узнала, что через ООНовскую систему телекоммуникаций платят полбакса за минуту, и это сравнительно дешево. «Я могу поговорить с тобой раз в неделю в случае необходимости. Ты, конечно, будешь разочарована услышать мой голос».

Она хотела его слышать, но боялась, что он будет навязчив или, что она ничего не поймет с его акцентом или сама не сможет нормально говорить по-английски за отсутствием практики. И все-таки будь что будет. Навязчивым он быть явно не собирался, а пока болеет, не может приехать в офис, чтобы позвонить в удобное для нее время. Но когда-нибудь выздоровеет и позвонит. Если вообще не раздумает общаться с ней после того, что она напишет. А она напишет, ибо его упреки причиняют ей боль, и обойти такие слова она не в силах.

В бассейн опоздала, забыла резинку для волос и никак не могла упаковать их в шапочку, провозилась дольше, чем обычно и чем рассчитывала. Плавала вяло, но с удовольствием. Голова прошла, вероятно, не от пенталгина, а от кровоснабжения. Мэл сбилась со счета, но знала, что рекордов не установила, если вообще добрала норму. В конце заплыва впервые в жизни свело ногу от резкого, неудачного движения. Не день, а сплошная вялотекущая, мелкопакостная дурь.

Полежав в сушилке, пока не вспотела, и почти высушив волосы, она оделась и пошла на остановку, видя, как оборачиваются прохожие. Но сознание собственной привлекательности радости не доставляло. Она ощущала себя красивой с улыбкой на устах, в тот самый день, заподозрив в душе забытое чувство. Господи, надо же быть такой дурой! принять за влюбленность виртуальную игру!

Но боль настоящая, и этого ни с чем не перепутать.

Приехав домой, она долго не садилась за письмо. На некоторое время даже заснула и, восстановив силы, включила компьютер. Написала много. Гораздо больше пунктов, чем утром. Написала, что для сохранения дружбы иногда лучше некоторые жалобы оставлять при себе, ибо каждое разочарование – трещинка в отношениях. Однажды таких трещинок наберется тысяча, и они расколют на части хрусталь дружбы. А если не высказывать некоторые разочарования – трещина расползется только по сердцу, а оно, оказывается, куда крепче дружбы. Оно вообще очень даже ничего по сравнению с хрупкостью отношений. Это как бы между прочим, не относя к ситуации, но в контексте выходило, что именно к этому сравнение и упомянуто.

«*Я отказываюсь от сопливых обращений, чтобы не быть обязанной,* - написала она отдельным абзацем, - *ни к чему было употреблять их изначально. Теперь будет проще – по имени. Ты намного старше меня, и мы действительно слишком разные. Не стоило позволять себе так много и теперь приношу извинения за бездумное поведение. И не следовало забывать о моей однажды выбранной тактике в общении – держать дистанцию при любых отношениях. Я стала слишком свободной и сентиментальной под твоим влиянием, пора взять себя в руки*».

Она перечитала письмо, и ужаснулось его холоду. Вместо «мой дорогой друг» - «приветствую». А вместо прощальных «искренне твоя» - безликое «береги себя». Даже ни разу не назвала по имени. А

как теперь обратиться к нему «дорогой друг», если он сомневается в качестве ее дружбы? Или самой называться другом, если не вписывается в его представления о друзьях?

Вот и все, - отправив письмо, озаглавленное «Через полуоткрытую дверь», подумала она, - история завершается. Красиво, волнующе, масса новых впечатлений, знаний, чувств… хорошо, что было. Просто опять обидно и больно. Оказалось, даже виртуально открывать сердце и получать упреки больно. Теперь придется это окоченевшее сердце опять закрыть, а поскольку поток уже начал сметать все на пути, сразу сложно и клаустрофобно. Она почти физически ощущала удушающую силу своего сердца, с каким усилием тянутся назад створки, как становится темно и жарко, и будто пыльно, не хватает места.

Может, так даже и лучше. Теперь времени достанет на все, а то только и строчишь письма, читаешь и перечитываешь его, думаешь, что и как ответить, а на неродном языке тяжелее, как бы хорошо его ни знала. Да еще переводить песни с русского на английский, поясняя все идиомы и поговорки. Однако появилось ощущение, что отточила свои лингвистические навыки так остро, что ими впору вскрывать консервные банки. Только представить, что она лишится интересного общения, которым ее избаловали, что языковая практика захлопнется, как ее разочарованное сердце… а ведь и она может что-то дать ему, чем-то поделиться, чему-то научить, что-то открыть, чем-то порадовать, удивить или чем-то помочь. И сколько раз он благодарил ее, с какой теплотой воспринимал каждый жест, каждое слово. Теперь все оборвется, просуществовав полтора месяца (он помнил дату начала переписки и напомнил ей, что немало удивило). А размышления о рок-музыке, которые она писала по-английски специально для него? Кому они нужны? Двенадцать листов уже написано, не удалять же…

Перед сном выпила стакан вина, чтобы успокоиться. И даже повеселела. Как будет, так и будет. Это не «Одиночество в сети», когда Якуб разнес сервер в Познани, чтобы Ева не получила его сообщение. Мэл не читала этой книги, только смотрела фильм, наводящий скуку до переписки с бенгальцем и показавшийся интересным спустя месяц. Надо бы почитать, почему все этой книгой восторгаются? Видимо, находят в ней себя. Возможно, теперь найдет и она.

На следующее утро пришел ответ под названием «Нехрупкая дружба».

«*Когда наступают тяжелые времена, меня атакуют со всех сторон,* - писал он. - *В одном из писем ты говорила, что если находишь интересного человека, то избавиться от тебя тяжело. А теперь ты пытаешься избавиться от меня. Но это будет невозможно, потому что я отношусь к нашей дружбе не как к хрупкому хрусталю, а как к прочному и дорогому бриллианту, который я по глупости иногда роняю или обращаюсь с ним небрежно, но это неумышленно. Мне нечего возразить на твои умно изложенные и прекрасно сформулированные тезисы о вопросах, касающихся здоровья, но…*»

И по каждому написал уточнения и опровержения. Это значит, нечего возразить? Они были также умны и прекрасно изложены. Не с чем спорить, и она лишний раз убедилась, как грубо и бессердечно было писать ему то, прошлое рассуждение. Он растаскивал ее письмо на цитаты и по каждой выдавал еще абзац – вдумчивый, правильный, корректный и прощающий все глупости.

«*Я был шокирован, прочитав: «Я отказываюсь от своих сопливых обращений, чтобы не быть обязанной…». Прошу тебя еще раз обдумать это и изменить свое решение. Хоть ты и младше на тринадцать лет, у меня ощущение, что ты намного более зрелый человек, чем я*».

Подпись – стоящий перед полуоткрытой дверью.

Господи, какая же я дрянь, - думала она. Слезы наворачивались, сердце переполняла безотчетная нежность к этому незнакомому, но ставшему таким родным за последнее время человеку. Почему она всегда все портит? Неужели нельзя было выразить недовольство мягче? Или эта телега, что друзья никогда не выполняют ожиданий («но ведь от лучшего друга я могу ожидать большего, разве нет?»). Или высказывание, что некоторые обиды и упреки лучше оставить при себе, дабы сохранить отношения. «Хорошо, - отвечал он, - как бы я ни был разочарован или даже оскорблен, я никогда не дам тебе знать». Разумеется, ее это не устраивает. Чего она добилась? Дружба – это честность. Что это за отношения, которые бьются от каждого слова? значит, они и гроша не стоят. Нет уж, давай все честно… тогда зачем было это «при себе»?

«*Я привыкла к боли и все приму как надо. Это никак не отразится на нашей дружбе, ничего не бойся. Может быть, указывая на мои недостатки, ты научишь меня любить. Я уже писала, что едва ли кого-то люблю, я инвалид в этом. Ты научишь меня не быть бессердечной и безразличной к людям,*

научишь любить человечество в целом и каждого в отдельности, как умеешь сам. Однажды благодаря тебе я стану лучше, чем есть.

Неужто я так ничему и не научусь и буду наступать на старые грабли! Одним неверным словом или глупым поступком разрушать прекрасные отношения, причинять людям боль, обращаться с их сердцами, как со старым хламом?» Она давно увидела в себе такое: порой ей нравилось делать людям больно и давать им понять, как больно ей.

«*Нет, дорогая, ты еще не наступила на грабли,* - писал он позже, когда получил русский аналог английской пословицы про реку, в которую дважды не входят, - *мне очень понравилась версия про грабли! У нас есть похожая: тот боится яркого заката, чей дом однажды сгорел. Но ты боишься увидеть грабли на расстоянии! Нет, ты даже граблей не видела, а только фотографии*!»

С одной стороны он прав, они в разных концах света и друг друга лично не знают. Но с другой, он не понял, что она имела в виду возможность открыть сердце. Не понял, что она опять захлопнулась в себе. Теперь она не заставит себя назвать его другом или предварять письма эпиграфами из песен, заикаться о своем счастье, о новом состоянии… нет, те времена прошли. Это хороший урок. Надо быть аккуратней со словами. Действительно, она бросала их слишком небрежно, она виновата перед ним, а не он. Видя такое обращение, он вправе ждать большего, как ждут от настоящего друга. А она не умела им быть, и наслаждалась дружбой и даже любовью, пока самой было хорошо, пока от нее не требовалось даже простых слов сочувствия или безыскусного интереса. И все-таки хорошо, что он ее простил и не прекратил общаться, по-прежнему говорит, как любит ее и находит в каждом письме кладезь мудрости, знаний, поэтики, философий.

Все отлично, но не как прежде. Дверь так и осталась приоткрытой, сердце запечаталось вновь. Он, казалось, тоже стал чуть сдержаннее, но ненамного и то, вероятно, потому, что улавливал ее настроение, а не потому, что она причинила ему боль. Он об этом молчал, как и собирался. Как бы она ни просила его потом о честности, первое слово дороже.

Никаких граблей не было, она себе накрутила в очередной раз. От безделья, пустоты и тишины. От неумения жить и любить. Остается надеяться, что это не самая непостижимая наука, раз уж оказалась столь умна в других сферах. Только самого простого сложные люди вроде нее избегают. И кто-то еще решается достукиваться до таких!

Часть вторая

Алисе нравилось бывать у Мэл. Она решительно не знала, куда податься солнечным субботним днем и поехала кататься. Мэл всегда ей рада, и в искренности этой радости сомнений не возникало. Они не были подругами со школьных или институтских времен, подругами по фитнесу или по бассейну. Они знакомы не так давно и еще интересны друг другу.

Мэл только что проснулась и была дома одна.

- А где твои? – спросила гостья.

- На заднем дворе, - последовал ответ.

Отец Мэл обиходил клочок земли за сараем, сделал качели, хорошую лавочку, и семья часто проводила время там. Сарай отгораживал «фазенду» от двора, хотя настоящего забора построить не могли. Но привыкшим проводить лето в пятиэтажном восьмиподъездном доме у дороги и этот участок казался райским наделом. Маме есть где повязать, племяннику – порезвиться, а папа все время копался в гараже. Приятно выйти, когда есть куда, и не мельтешить под окнами дома.

В квартире солнечно и немного душно. С улицы доносится треск секатора, поэтому все окна закрыты. Шумы действуют на Мэл раздражающе, и она легче стерпела бы духоту.

- Кофейку хочешь?

Алиса расположилась за кухонным столом, навалившись на него, по-кошачьи выпрямляя спину.

- А есть что попрохладнее?

- Кола есть, - Мэл достала из холодильника бутылку и поставила на стол вместе с высоким стаканом, - но себе кофейку сварю. Надо проснуться.

- Да не вопрос! – Алиса налила себе колы и с наслаждением выпила сразу полстакана. – Ты такая странная потому, что проснуться не успела или случилось что?

- А я странная? – Мэл повернулась к ней. На неразглаженом спросонья лице удивление.

- Есть немного.

И дело не только в сутулости и шаркающей походке, словно ее клонило к земле, не только в бледном лице и утрированно осторожных движениях. Дело во взгляде. Мэл смотрела исподлобья, бычась и хмурясь, но Алиса не приняла это на свой счет, хотя такая мысль невольно закрадывалась. В самом взгляде чувствовалось не раздражение, а, скорее, отрешенность.

- Видать, со вчерашнего не отойду.

- А что было вчера?

Молчание. Кофе зашипел. Мэл выключила конфорку, процедила кофе из турки в кружку, в которую уже успела насыпать сахар. Алиса потягивала колу, не считая нужным торопить подругу. Если Мэл скажет, что не хочет говорить – такое в порядке вещей. А если захочет – продолжит сама.

- Фарид письмо написал.

- Ну, он каждый день пишет! – рассмеялась Алиса, и Мэл засмеялась вместе с ней. Поставила кружку на стол, села напротив. Улыбка задержалась на ее лице, не желая исчезать совсем.

- Написал о своих горестях, как и обещал пару месяцев назад. Помнишь, я говорила, что сама предложила дружеское ухо? Точнее глаз…

- Помню. И что, все так страшно?

- Да больше неожиданно. Если бы хоть заранее написал: сегодня я расскажу тебе все! Но нет, обрушил на меня это как не то, что снег на голову, а даже не знаю, с чем сравнить. Во всяком случае, снег такого впечатления не производит, - Мэл медленно размешивала сахар, громко стуча ложкой о керамику кружки.

Хлопнула входная дверь. Кто-то зашел и опять вышел. На мгновение воцарилась тишина и неприятный сквозняк.

- Так что я вчера весь вечер была в ауте, смотрела «Маску», «Ловушку для родителей», не знала, куда себя деть. Так хотелось от этого избавиться! От чужого горя, на которое сама напросилась. Выкинуть из души, не допускать до сердца, не переваривать! Одна радость, он опять куда-то укатил – в оставшиеся районы, видимо, в которые не поехал тогда, из-за болезни мамы. И вернется только через неделю. Не пришлось отвечать сразу, есть куча времени, чтобы все обдумать. Еще одна сломанная жизнь, исковерканная душа и по всем земным законам несправедливо. И жалко его…

Алиса заерзала на стуле и потянулась за бутылкой колы. Хотелось воскликнуть: «Да что же он тебе сказал-то?!», но она проявляла чудеса терпения.

- Началось это позавчера, когда он прокомментировал мой стишок… в общем, писала о себе, а он понял, как от лица Бога. Комментарии его не то, что богохульные, но неприятно. Больше даже из-за того, что мое творение можно так истолковать. Жалею, что не написала заголовок: «Обо мне». Я сказала, что мы в религиозном плане очень разные, и я не собираюсь никого ничему учить и что-то навязывать. Вообще старалась избегать этой темы, но, видно, не выйдет. Короче, написала, что никогда не избираю подтекстом религию и Бога, это слишком важно и даже в качестве образов не стала бы с этим играть. Призналась, что его слова меня из колеи выбили. У всех вечно претензии к Богу, а сами и шагу не сделали Ему навстречу. Этого я уже не писала, ислам для меня загадка. Христос наземного счастья никому не обещал, нам-то все понятно, а что Мухаммед плел – знать не желаю.

- Значит, у него претензии? – Алиса решила направить подругу в нужное русло. Ей всегда нравилось слушать ее рассказы, говорит Мэл интересно и живо, но впереди маячил, судя по всему, целый экшн, и многословность подруги оттягивала время.

- Ну да, аж до проклятий. Я уверена, что Бога мы понимаем по-разному, и он исчерпывающе выразил свое отношение в комментарии к моему стиху, но все-таки больно. Если б я его отца оскорбила – ему бы тоже стало больно, правда ведь?

- Ясное дело!

- Ну вот, он дико извинялся в следующем письме, дескать, кто я такой, чтобы совать нос в твои прекрасные стихи и еще дерзать что-то комментировать и оценивать. Мол, только человек создающий может оценивать творения других, а я ничего создать не могу, поэтому надо было молчать. В общем, понял меня совершенно неправильно – будто я обиделась на критику, а не на богохульства. Ох, как

сложно все выразить на неродном языке так, чтоб понял человек, для которого этот язык не более родной! Мне и про стих казалось, я высказалась предельно ясно, и заглавия не нужно. Почему мужики вечно так толкуют и сами так пишут – если «Я», значит от лица кого-то?! К чему эта сложность, эти дурацкие истории? Почему нельзя просто о себе, честно и откровенно? Я – это я, как ни банально. Ну ладно. В общем, извинялся, обещал, что в последний раз все портит своими словесами и больше никогда даже не заикнется. «Но знаешь, почему я стал таким психопатом? – пишет, - я объясню».

Она тяжело вздохнула, встала, взяла пустую кружку и поставила ее в раковину.

- Хочешь, поедем проветримся? – Алиса вклинилась в образовавшуюся паузу.

- Думаешь, стоит? – Мэл улыбнулась.

- Тебе решать. Но может, развеешься чуток. А может, и после рассказа легче станет. Свои-то боли в себе не унесешь, а чужую - вообще мрак.

- Да вот я и думаю, правильно ли это – чужие тайны разбалтывать…

- А это тайна?

- Не знаю. Но я бы о таком кому попало не сказала.

- В любом случае, мы с ним в этой жизни вряд ли пересечемся, а если и случится, я тебя не выдам.

- Спасибо, - улыбнулась Мэл, - вчера меня все ужасно удручало – думаю, и ведь не расскажешь никому, и писать об этом не хочется, а избавиться надо. А не знаю как. Все обычные способы не сработали.

- Утро вечера мудренее, теперь все работает.

- Да, пожалуй. Дура, досиделась допоздна. Из бассейна приехала, отлеживалась долго, комп не включала – боялась мусульманские бредни прочесть. Потом включила и просто музыку слушала. Потом ящик открыла, смотрю – есть письмо, пробежала – слава Богу, без наездов, но огромное, читать не стала, сперва в главном удостоверилась. Вот тебе и сюрприз! Алис, просто такие личные вещи, я вообще не знаю, как начать…

- Я заметила, - буркнула Алиса, - ты меня уж заежила своими отступлениями, чесслово! Ну хошь, дай письмо, покопаюсь в лингве, пойму как-нибудь.

- Как-нибудь не надо, - усмехнулась Мэл, - нет, там уж слишком все подробно, много, долго… лучше я сама. В общем, начал с того, что у него было тяжелое детство, о чем я и так догадывалась. Он младший из 11 братьев и сестер (при этих словах Алиса присвистнула), после его рождения у мамы развился целый ряд недугов, в чем он и считал себя виноватым. Отец тяжело заболел и вскоре умер. Он был важной шишкой в правительстве, но ввиду тяжелейшей бюрократии это самое правительство не обеспечило его пенсией, и семья долгое время голодала. Тогда же Фарид продал за бесценок свои художества и напечатал несколько рассказов, чтобы спасись от нужды.

- У нас бы такое не помогло, - покачала головой Алиса.

- Я ему писала об этом, но там совсем другое отношение к талантам. Им не завидуют, ими восхищаются, и если у тебя есть какая-то Богом данная – так и пишет – способность, никто никогда не станет тебя притеснять, а чуть ли не на руках носят.

- Вот здорово! А какая, например, способность?

- Например, к сочинительству музыки или стихов. Музыки особенно, они народ музыкальный. Он сам играл на радио с 1993го до 96го. В общем, знавал тяжелые времена. Я когда про отца его читала, аж сердце защемило, хоть у нас такое сплошь и рядом, талантливые люди с голоду умирают, а некогда страна ими восхищалась – актеры, спортсмены…

- Ты ему об этом пишешь?

- Конечно! Пусть знает, тем более меня так коробит, что само рвется. Вот и нашла с кем поделиться!

- И как он воспринимает?

- Ужасается. Не верит. Наивный до ужаса. У них все настолько по-другому: пришел на радио парень с гитарой и Богом данной способностью – играй, милый! А на наши радиостанции каждый день присылают по две тысячи демо-записей, которые сразу выбрасывают, хорошая музыка по подвалам, а по телику фанера, по радио попса и пошлятина. О живых выступлениях и говорить нечего, кому оно надо… а ему это все невероятно. Да и фанера – чисто русское явление, даже попсу никак не

характеризует – зарубежная живьем играется. И этих Богом данных способностей к сочинительству музыки и стихов у каждого мальчишки подзаборного, а толку нет, не нужны на нашей земле таланты.

- А наша земля ими богата, потому и не нужны. Обесценились…

- Нам-то ясно, а ему не объяснишь. Призывает страну из пепла поднимать своими талантами, а все мои объяснения и обвинение его в наивности и незнании нашей страны ему ленью кажутся.

- Ну вы хоть не перессорились из-за этого?! – рассмеялась Алиса.

- Слава Богу нет, хоть порой горячимся, - Мэл усмехнулась, - хорошая зарядка для хвоста. Кто бы мог подумать, что я столько о своей стране могу рассказать, да еще и по-английски! Наконец когда до него все дошло, и он обещал больше не совать свой нос в наши дела, написал, что я куда больший патриот, чем он, ибо чувствуется в каждом письме боль и скорбь за страну родную. Я думала, только злость и желчь… ну да ладно, опять я уехала!

- Женская логика!

- Потому и не возвращаешь меня к нити событий! итак, в институте он был занят самосовершенствованием и посещал все внеплановые занятия, какие только успевал. Серьезно, когда он перечислял – раньше, не в последнем письме - я почувствовала себя такой лентяйкой! Так и написала ему, что во время студенческой жизни моей заветной мечтой было прийти домой и завалиться спать. А он занимался боксом, футболом, плаваньем, настольным теннисом, бегом и даже умудрился собрать призы по всем этим видам спорта. Никогда не тратил время и силы на бессмысленные забавы вроде шашек, крикета, видеоигр и карт, а с детства умел использовать каждое мгновение для саморазвития и изучения всего, что сделало бы его готовым к любой ситуации. Гитара, драма, фотография, живопись, литература, политика, военные дисциплины, первая помощь, обучение спасателей… я всего не вспомню!

- Молодец мужик! – одобрила Алиса.

- Да уж, мне таким энерджайзером не стать, о чем я и написала, посыпая голову пеплом – я, мол, такая ленивая балда, что с трудом понимаю, почему мои энергичные, эрудированные, талантливые и многогранные друзья со мной общаются. И написала, какие вы у меня замечательные. В следующем письме он сказал, что я преподала ему хороший урок, так как он по глупой гордости перебрал все свои регалии и заслуги, но в итоге лишь брался за все, а толком ничего. А ты, мол, такая молодец, о своих достоинствах умолчала, зато подчеркнула оные в друзьях. Великолепно! Я, дескать, не зря зову тебя ангелом. А мне действительно стыдно стало, что я такое ничтожество и ничего не умею, хотя для русского человека типично интересоваться многим и преуспевать. В общем, в институте он в отличие от нормальных людей дурака не валял, а многими делами занимался. Во вчерашнем письме он вернулся к этому вопросу несколько в иной плоскости…

Опять хлопнула дверь. Теперь кто-то вернулся на более продолжительный срок.

- Пора удирать, - констатировала Мэл голосом Масяни, - пойдем пока в мою берлогу, а там видно будет, может и проветримся.

- Проветрились бы на фазенде, - сказала мама из прихожей, - мы пока пообедаем.

Мэл вопросительно посмотрела на подругу, и та неопределенно кивнула, пожав плечами.

Яблони и вишни еще не начали цвести, но трава стала такой ослепительно яркой, что не хотелось примешивать белый цвет. Мэл прихватила бутылку колы со стаканами, и девчонки расположились на широкой лавочке. Чуть впереди два темно-зеленых столба, между ними самодельные качели с широким сиденьем из ДСП.

- Хочешь, покачайся, - предложила Мэл.

Алисе очень захотелось, но она засомневалась, что услышит продолжение рассказа.

- Тогда вместе покачаемся, я тоже не отказалась бы.

- А веревки выдержат? – недоверчиво покосилась на крепления Алиса.

- Еще бы! Они такими узлами затянуты и на таких крючьях – надежно как скала!

- Твой папа говорил то же самое про гамак, однако ж ты с него навернулась, - напомнила Алиса.

На лице Мэл появилась гримаса. Гамак висел на ее балконе, и в течение десяти дней кто только в нем ни раскачивался. В инструкции говорилось, выдерживает вес до ста килограмм, но хоть Мэл и весила в два раза меньше, гамак сорвался с кольца, и приземление на жесткий пол еще три недели отдавалось болью в спине. Упав тогда, она испугалась, что ее парализовало – не могла встать минут десять. Позвать на помощь тоже не могла – в комнате орал магнитофон, а дверь была закрыта.

- Но гамак делал не папа, так что он за него и не отвечал, - нашелся ответ, - он просто в подтверждение своих слов залез в него на следующий день и не шлепнувшись заявил, что я все выдумываю, гамак просто перевернулся…

- Тогда бы ты упала на бок или на живот, а не спиной, - хмыкнула Алиса, начав медленно раскачивать качели.

- Да, папан бывает уперт! Но на этих мы уже вдвоем качались, да он их сам делал, не боись.

Они без труда поместились вдвоем на качелях, и Мэл продолжила повествование.

- Он был так занят, что на девушек времени не хватало. Когда уже преподавал в универе, на него положила глаз дочь вице-канцлера, Линда. Как он пишет, ей очень нравились мои доклады и выступления. Она моложе его на 11 лет и предложила пожениться.

- Она?! – Алиса подпрыгнула на качелях.

- Да. Причем он пишет об этом так, словно ничего необычного тут нет.

- Я-то думала, восточные женщины забитые тихони, в рабском подчинении у мужа, скромницы…

- Я тоже так думала. Похоже, все иначе. Бабы жгут: когда он отказался, ее отец написал письмо семье Фарида с этим предложением.

- Охренеть!!! – почти закричала Алиса. – Ну послали тебя – иди! Нет, еще письмо семье??

- Вот такой балдеж, - усмехнулась Мэл, - если б у нас так, всех парней переженили бы, учитывая идефикс наших девок.

- А какие наши парни теплые, так и не отказались бы – неудобно человека обижать… - рассмеялась Алиса.

- Ну так вот. Разумеется, мама лучшей партии для сына и не желала, все братья-сестры насели, он год артачился, потом все-таки решил жениться. Но не сразу, потому что относился к Линде, как к племяннице.

- Хм, одиннадцать лет не такая уж большая разница…

- Пожалуй, но если она совсем ребенок? Тут от человека зависит. В общем, встречались они два года до свадьбы и даже не целовались. Он сам так решил, я особо в подробности не вдаюсь, много личного понаписал. Признаться, не ожидала таких откровений.

- Ну вообще здорово, если и среди мужского пола остались такие. Или это у мусульман так положено?

- Он говорил, что не слишком религиозен. А на счет этого писал: я знаю, глупо звучит, но я так решил. Если думает, что глупо звучит, значит у всех остальных вполне себе принято, как я поняла. Короче, после свадьбы выяснилось, что у нее какая-то редкая болезнь – ни матки, ни фига, даже месячных никогда не было, и она мало того, что не может иметь детей, но и как жена никакая. Это если коротко.

- Прикольно! – Алиса опять присвистнула. – А сказать ему она не посчитала нужным?

- Вот я тоже не понимаю. Чего добивалась? На лжи построить отношения? Никто ничего не сказал, сюрприз сделали.

- Во, попадешь-то…

- А, «Даун-хаус» еще вспомни! – Мэл невесело усмехнулась. – Все-таки, она – дочь вице-канцлера, явно не по материальной нужде замуж надо. Значит, любила. А если любила – почему не сказала? Чтобы женить на себе, а там никуда не денется?

- Но отношения могут треснуть или вовсе разрушиться, - нахмурилась Алиса, - а доверие? И они до сих пор женаты?

- Да. Отец Линды пообещал, что найдут суррогатную мать, будет киндер из пробирки, Линде сделают операцию… через два года, дескать, все будет. Он ждал пять, но так ничего и не вышло. Линда сошла с ума и теперь, когда он ее навещает, набрасывается на него. Он не разводится, но обособился от них. Я почему-то сразу почувствовала, как только начала с ним общаться, что он словно бежит от чего-то. Представь – годами жить в чужой стране, не видеть близких, родных, друзей? Последних у него почти нет, братья, сестры и даже мама любят его потому, что он им материальную пользу приносит – так ему кажется, хотя я надеюсь, что он ошибается. Да еще обезумевшая жена и ее важный папа. Никогда не писал, что скучает по ком-то или даже по стране. Когда про любовь говорили – много понаписали на эту тему – признался, что никого не любит кроме родной страны, родного языка и своего

нового друга. То есть меня. Хотя про маму однажды очень трогательно писал – когда я про здоровье-то не спрашивала. Вернулся, дескать, в этот Тимор и могу только деньги отсылать на лечение мамы, но я бы очень хотел сам за ней ухаживать… они к семье очень трепетно относятся. Пишет, даже если ты знаешь, что твоя мать не совершенство, она все равно самая лучшая, правда?

- Нет, не правда, - вздохнула Алиса.

- Вот я тоже не могу согласиться с ним, но отвечать не стала – вопроса не было. Моя мама – совершенство, и большего желать нельзя. Если бы она была другой, если бы она меня не любила – как я считала бы ее самой лучшей? Вряд ли. Да и есть примеры людей, которые охотно выбрали бы себе других родителей.

Какое-то время они сидели молча, слушая тихое поскрипывание канатов о железные крюки. Качаться здорово: теплый ветерок создавал ощущение полета и через некоторое время словно до сердца добирался – так оно легчало, словно вся горечь с ветром унеслась.

- Ты пока не отвечала?

- Нет, говорю же, вчера только переваривала. Сегодня все кажется менее тяжким. Столько надо сказать, что ужасаюсь…

- Начни писать, пока есть время, - посоветовала Алиса, - а то в последний момент не соберешь мыслей.

- Дело говоришь, но мне пока не хочется опять в это погружаться. Надо немного отвлечься.

- Тут праздники, День Победы, с семьей побудь. Может, шашлык пожарите.

- Скорее всего. Надо себя к делу пристроить, чтоб об этом пока не думать, мысли не собирать до того, как писать начнешь – бессмысленно, по опыту знаю. А без него стало так непривычно и пусто. Хотя он снабдил меня пищей для размышления, и по нему не скучаю, но все равно, жду письма на автомате.

Качели постепенно остановились и Мэл первая спрыгнула. Алиса еще какое-то время сидела, покачиваясь и притормаживая кроссовками по земле.

- И все-таки одна мысль не дает мне покоя, - Мэл тяжело вздохнула и посмотрела на подругу, - но не знаю, стоит ли делиться с ним. Недавно прочла в одной книге, кто-то из наших святых сказал: если сам Господь велит тебе сделать что-то, но твое сердце не может сказать этому «аминь» – не делай, Богу не нужен поступок как таковой, Ему нужна твоя гармония с Ним. Сложно это выразить, да еще ссылаться на авторитеты… просто он напомнил эту мысль, хотя я ее и сама отметила. Сестры, братья, мама давили целый год, мама сказала, что его брак с Линдой – ее последнее желание. Я понимаю, как они относятся к семье, и что значат для него слова матери, но жизнь-то его и ему ее жить, а не маме. Стоит ли идти против сердца и губить свою, - она сделала сильное ударение на последнем слове, - жизнь ради кого-то? И если уж мама такая любящая – должна понимать, правда? Я не представляю, чтоб моя мама к чему-то меня принуждала, апеллируя к, так сказать, служебному положению. Это смахивает на шантаж. Когда против сердца идешь, всегда фигня получается. Вот не хотел жениться на Линде – не надо было. И дело не в том, что ни супружеской жизни, ни семейной, не в ее болезни, в которой она не виновата. Дело в человеке, которому уже не сможешь доверять, в любви, обернувшейся ненавистью, в подорванной вере в людей вообще. И в Бога. Разве таким было последнее желание матери? Разве хотела она своей глупостью и амбициями исковеркать сыну жизнь?

- Нет, так мощно ему все высказывать не стоит, - покачала головой Алиса, - если сумеешь помягче, а ты сумеешь – тогда можно. Ну а как насчет родительского благословения на брак?

- Так то благословение – сам нашел, полюбил, привел, благослови, мама. А это…

- Ну да, - она усмехнулась, - и папаша этой Линды чем думал? зачем дочь выдавать замуж так погано? Сам ведь мужик, не понимает что ли…

- Я вообще ничего не понимаю, Алис, - Мэл села на лавочку, - чем больше живу, тем меньше понимаю людей. Чем они думают? И думают ли вообще хоть иногда? Одно знаю точно: слава Богу, я не на своем опыте до этой мысли дошла и против сердца не пойду. Может, все эти разломанные жизни для того и нужны, чтобы хоть кто-то что-то понял? Эгоистично звучит, но иных объяснений просто не нахожу…

* * *

Она печатала письмо в последний вечер. Получилось оно длинным и насыщенным. Мысль, мучившую ее, Мэл так и не высказала – объем зашкалил, наплыли другие мысли, и нить потерялась. Когда она перечитывала письмо и прикидывала, куда бы вклинить просившиеся строки, так и не нашла места – настолько все получилось целостным, одно предложение плавно перетекало в другое, не оставляя пробелов и брешей. А цитат и без того хватало – Оскар Уайльд, Гарриет Бичер-Стоу, Нил Пирт и Достоевский. Человек чаще прислушивается к опосредованно выраженным ссылкам на авторитеты и даже к словам: «кто-то сказал, я где-то читала…». Да и чему она могла его научить? девочка без прошлого и будущего, младше на тринадцать лет (странно, что к ней он не относится как к племяннице!), книжный червь, не видящий жизни и после увиденного однажды, не желающий видеть дальнейшее? Его, подполковника полиции ООН, который повидал такое, о чем страшно услышать или прочитать, который знал голод и нищету, ужасающую нужду и предательство, одиночество без границ и иллюзий, без веры. Но коль уж он поделился своей болью, придется реагировать хоть как-то. Она могла отреагировать последовательно и вдумчиво, но едва начав письмо, потерялась в водовороте собственных мыслей, чужих цитат и мнений, и уже не смогла не заблудиться в этом лабиринте.

«Я столько хотела сказать тебе, - писала она, - *но вместо этого лишь прыгаю с цветка на цветок и не могу собрать заветный нектар ни с одного из них. Я знаю, что никогда не смогу одним своим появлением вычеркнуть все плохое, что случилось с тобой. Единственное, что мне бы очень хотелось сделать – обнять тебя и пообещать что-то очень хорошее, например, что горя больше не будет. Все позади, все кончено. Но даже этого я сказать не в праве. Только пожелать тебе не бояться. Используй все шансы, любую возможность, пока есть время и желание быть счастливым, иначе ты никогда не простишь себе. Легче оправиться от неудачи, чем от сожалений по неслучившемуся…»*

Она возилась с письмом до трех ночи, потом сделала перерыв на чай и через полчаса проверила еще разок перед отправкой. Каким-то чудом ей удалось ввернуть огромное количество христианских мыслей, обрывки чужих судеб и истории чужой боли. И все буквально парой слов. Этак и впрямь можно подумать, что она очень умная и что-то в жизни понимает…

Собирать мысли и выражать их на английском, скрючившись над клавиатурой несколько часов подряд, ужасно утомило, и едва добравшись до кровати, Мэл отключилась.

Утром нашла в ящике два письма. Обрадовалась, подумав, что он написал два, не вмещаясь в одно, и в то же время волновалась увидеть в его письмах волны негодования и раздражения на ее послание. Но ошиблась. В первом письме он сетовал на то, что открыв почтовый ящик, обнаружил «болезненную пустоту» (эти слова послужили заглавием), хотя все это время так скучал по ней и ожидал найти, по меньшей мере, три письма. *Что случилось, мой друг? С тобой все в порядке, ты не заболела? Или ты очень занята?*

Значит, электронные письма на другой край света идут не три минуты, - рассудила она. По московскому времени она отправила свое в 4:22, а его разочарованное пришло в 5:36. следовательно, тогда он еще ничего не получил. Возможно, неполадки на сервере.

Во втором письме он ликовал, получив, наконец, весточку. Но содержание какое-то время оставалось загадкой за обилием лирических отступлений. *«Это лучшее письмо, которое я когда-либо получал. Во всех отношениях. Недавно была издана переписка Джавахарлала Неру с женой британского эрла Маунтбеттена Эдвиной. Я прочел несколько писем, и они показались мне интересными и богатыми, как классическая литература. Но твое письмо еще богаче.*

Ты пишешь: кто я такая, чтобы говорить все это? Я отвечу: ты мое все. Весь мой досуг занят тобой, твои стихи навсегда отпечатались в моей памяти, мне нравится видеть тебя во сне, и твои светлые письма отгоняют мучительные воспоминания. Я становлюсь рассеянным в повседневной работе, отпуская душу к тебе.

Лучшие строки твоего письма: «Единственное, что мне бы очень хотелось сделать – обнять тебя и пообещать что-то очень хорошее, например, что горя больше не будет. Все позади, все кончено. Но даже этого я сказать не в праве. Только пожелать тебе не бояться». Что еще нужно? Не самое ли это эффективное лекарство, способное исцелить мои раны? Когда чудовища прошлого попытаются атаковать меня, я представлю твое объятье, как щит, отгораживающий от всякого зла.

Ты пишешь, что не можешь остановиться на одном цветке, чтобы собрать нектар… согласен. Но знаешь ли ты, что от такого порхания, когда разносится пыльца, могут вырасти сотни других прекрасных цветов? Таким образом, без всякого личного интереса (нектара) ты создаешь новые жизни. И одного твоего появления в моей жизни достаточно, чтобы вычеркнуть все плохое, о чем я и говорил тебе раньше. Разумеется, мы используем только четверть своего мозга, но я поражен, как ты можешь помнить столько цитат и приводить их своевременно, меняя мое состояние! Мне нужно промыть мозги правильными мыслями, отрезвить меня, и ты прекрасный психолог. Особенно слова Нила Пирта о том, что жизнь дерьмо, а люди замечательные, наверное, станут моим девизом. Возможно, Линда и ее родители замечательные, а моя жизнь полна дерьма – ведь не обвинили же они меня в ее помешательстве! Всю жизнь я считал себя отбросом, который приносит всем одни страдания. Из-за меня здоровье матери пошатнулось, после моего рождения экономическая ситуация в нашей семье ухудшилась, серьезно больного отца было не на что лечить (все деньги ушли на колледж). А в колледже из-за моих глупых карикатур на директора 50 моих одноклассников были серьезно наказаны. Отец умер из-за нехватки средств на медицинское обслуживание, в мои студенческие годы я только и делал, что пытался выжить. Жизнь Линды разрушена, потому что она связала ее со мной, а ее родители страдают из-за своей сумасшедшей дочери. Хорошо, что у меня нет детей, иначе такой папаша превратил бы их жизни в ад».

Ей стало больно читать. Эти мысли ей знакомы и ощущения понятны – она и сама с детства считала, что сломала жизни родителей своим появлением на свет, и прошло много лет, прежде чем научилась думать иначе. Однако, дальше значительный пропуск, и с нового абзаца начинались другие слова:

«Но теперь я отброшу все эти дурацкие мысли, после твоих слов: Используй все шансы, любую возможность, пока есть время и желание быть счастливым, иначе ты никогда не простишь себе. Легче оправиться от неудачи, чем от сожалений по неслучившемуся…». Спасибо, милая, за эти слова, за то, что дала мне силы снова поверить и бороться. С этого дня я попробую начать новую жизнь.

Запоздало поздравляю с Днем Победы!

Вот опять письмо полно нытья и все обо мне… обещаю, больше этого не повторится!»

Такого эффекта она никак не ожидала. Никогда не стала бы даже комментировать ситуации, которых не пережила и над которыми не задумывалась, и хотя ей мучительно хотелось высказать более резкое мнение о Линде и ее семейке, у нее нет права вмешиваться. На вполне корректный вопрос о ее мотивах он ничего не ответил, будто не заметил его, а возможно и не знал, что сказать. Важно другое: ему стало хоть немного легче. Самой тяжело поверить в чудодейственность своих влияний на этого человека, хотя и ей одного виртуального знакомства с ним хватило, чтобы многое изжить и о многом забыть. Но с ним случилось несравненно более ужасное, и времени прошло намного меньше. Кто разберет этих восточных людей? Она читала, что они не такие прямые, как северяне и вполне могут говорить одно, чувствовать другое, а делать третье. Возможно, после всех разбирательств их дружбы он вообще не желает давать ей понять слишком многого, как она и просила. А быть может, он действительно чувствует, как и написал… какой смысл закрываться еще и от нее? Несмотря на огромную семью, женатость и полную общения работу, он в целом мире один – такое сложилось ощущение от его подробных, длинных и откровенных писем. Будто слишком многое в себе хоронил, что чуть подвернулся понимающий человек – все ему и выложил.

* * *

Хороший был день. Лучший за последние пять лет день рождения. Нет, были и раньше неплохие – так, немного грустные и в лучшем случае никакие, но хороших не было давно.

Она знала, что он позвонит. Еще когда они писали друг другу о днях рождения, он удивлялся, почему она так не любит свой, раскололся, когда у него, сообщил, что в Бангладеш дни рождения праздновать не принято – *мы просто звоним человеку в полночь, поздравляем, а потом дарим цветок*. «Я вам завидую, - ответила она, - в России ты обязан накрыть стол, в обмен на подарок, все пьют водку и пялятся в телевизор». До сих пор он не звонил, потому что она написала восьмерку вместо плюс семи, и код не совпадал. Потом он болел и не мог добраться до телефона, а после, видимо, специально выжидал для пущего эффекта. Она все чувствовала, поэтому не сильно удивилась, увидев километровый номер на дисплее мобильника в три часа ночи. Дрожащей рукой нажав кнопку,

услышала мягкий, почти бархатный тенор, словно пахнущий пряностями и пропитанный теплом южных солнц. Неужели, она слышит его голос? А ведь он совсем не такой ужасный, к какому она приготовилась, напротив – очень приятный, мелодичный, богатый интонациями (что вполне ожидаемо, учитывая пристрастие к драматическому искусству и музыкальность народа). Он назвал ее мисс, и это позабавило. Ее забавлял сам факт его звонка, его голос, тщетные попытки понять, что он говорит. Чудесное поздравление. Все так невероятно, так весело, что она ничего не могла выговорить из-за улыбки. Он спрашивал, как поживают ее родители, как она себя чувствует, и когда услышал, что взволновано, разразился чередой непостижимых, но как по нотам сыгранных восклицаний. Какой кошмар! Они совершенно не понимают друг друга, и он не слышит ее просьбы повторить вопрос, в результате чего виснет тишина, и он опять начинает говорить что-то. Недавно купленный мобильник не радует нерегулируемым динамиком, поэтому она слышит его слишком громко, но из-за плохой связи совершенно не отчетливо. Он же просит говорить громче, а как, если за стенкой спят родители? И она говорит четко, раздельно, почти по-русски, ужасаясь своему акценту и мучениям при подборе слов. Раньше она о них даже не задумывалась, они приходили на ум сами собой. Уже два года она не говорила по-английски и впервые начала это ощущать. Поскольку динамик продолжал орать, не прибавляя четкости и понимания, она накрыла его волосами и немного отвела телефон от уха. Тогда что-то прояснилось в речи бенгальца. Он говорил, что показывал ее переводы русских песен Галине, и даже дал ей послушать сами песни. Она сказала, что Мэл проделала прекрасную работу. Он же переписал одну бенгальскую песню английскими буквами, чтобы она могла прочесть и сами слова… читала? Да, разумеется, только по-русски она такого не сделает, припомнив, сколько мучилась, выписывая английскими буквами «черный цвет солнца», «коллекционер оружия», «рожден в апреле».

- Нет, нет, я тебя об этом и не прошу! – пропел он. – Если можешь сейчас открыть свой ящик, посмотри, пришло ли письмо.

Она открыла. Письмо с темой Happy Birthday! И с прикрепленным файлом.

- Через пару минут он скачается, - сказала она.

- А, хорошо, хорошо! – расслышав с третьей попытки, рассмеялся он.

Они говорили еще долго, и в какой-то момент она устала пытаться понимать его и по сто раз объяснять одно и то же. Связь прервалась, прежде чем они успели проститься. Загрузка файла давно завершилась, и Мэл села смотреть его. Это была презентация, хотя почему-то открылась в медиа-плеере, состоящая из присланных ею фоток за все время их общения. Горы снега, зимние пейзажи, небо, которое она любила фотографировать, ее собственные фотки (а она тут даже ничего - выбрала самые удачные, вот он и считает ее красавицей…), Питер, Ясная Поляна, Тула… надо же, какое целостное впечатление о России! Впрочем, пара образов совершенно непонятны, и она тут же написала об этом по почте. Точнее, она призналась, что логика построения композиции ускользает от нее. Через некоторое время пришел ответ: «Посмотри видео со звуком. Я впервые попытался сделать такую штуку – не в пауэр-пойнте плюс медиа, а именно видеоклип на песню «Небо Молчит», «Сладкие сны». Хотелось как-то выразить впечатления о песне, хотя очень сложно соотнести изображения с текстом, и я смотрел одним глазом в твой перевод (весьма корявый… и надо же было именно эту песню выбрать!), а другим – в монитор, подбирая фотки. Это оказалось непросто, поскольку русского я не знаю, и наверное, ничего не сходится …»

Вот дура! Точно, звук был отключен. Посмотрев клип еще раз, она написала ему, что почти все образы сошлись, работа и впрямь грандиозная, и замечательный подарок ко дню рождения. Действительно, она сама обожала эту песню, хоть и представляла видеоряд иначе, но… он выбрал именно ее, можно сказать, самую сложную, потому что и перевод получился не построчный, а как Бог на душу положит (например «Рожден в апреле» она перевела почти в рифму, с сохранением ритма, но «Сладкие сны» по мелодике да и по образности куда сложнее). И все же он выбрал именно ее, подобрал фотки (и ведь действительно в тему!) и все, чтобы ее порадовать. Кто еще способен на такое? Друзья купят первый попавшийся ди-ви-ди или отдарятся самим не нужной книгой, потому что вроде положено потратить на подарок деньги, но совсем не обязательно вкладывать в него душу. Он же не мог подарить ей ничего вещественного и соорудил подарок своими силами, своими мыслями из песни и картинок. Из песни на непонятном ему языке, из картинок чуждой ему страны и людей, которых он никогда не видел и вряд ли увидит. И в этом пятиминутном ролике было столько русскости, сколько разве что в «Небе славян», но там она совсем другая – богатая, бравурная, гордая, настоящая стать

севера. Здесь же только попытка понять, несмелая, немного грустная, чужеземная, странная, трогательная, но от души.

Хорошо начинается день рождения, - подумала она перед сном, - с такого подарка и такого чудесного звонка. Пожалуй, более необычного поздравления еще и не было…

Утром ее разбудил звонок с поздравлениями, как она и предполагала. Мама, пользуясь случаем, тоже поздравила. Времени еще мало, но заснуть так и не получилось. Надо было позвонить Ирине и договориться встретиться пораньше, но Мэл не решилась ее дергать. И так без конца терзает ее своими прихотями, неудобным временем, бассейнами и опозданиями.

Погода как по заказу – пасмурная, прохладная. Только вышла из дома - закапал мелкий противный дождик. Благо автобус будто дожидался. Иринка сидела в кафешке уже часа два, не зная куда податься: приехала рано, провернуть кое-какие дела, но ни в чем не преуспела.

- Лучше бы ты сама мне позвонила и сказала, чтоб я пораньше приехала – все равно делать дома было нечего…

- Да ладно, не парься! Я бы не стала тебя дергать.

Мэл об этом знала. Единственное, что ее волновало – будут ли места в пиццерии в субботу в такое время. Погода не располагала к дачному отдыху, поэтому городское население, вероятно, предпочтет провести выходной в пиццерии. Очень хотелось поесть нормальной пиццы хоть в день рождения, и особенно обидно, если не удастся по собственной глупости.

Догадка оказалась верной – мест не было, зато очередь росла. Решено осесть в кафе до лучших времен. Ирка сияла и ей, похоже, было все равно, куда деваться и даже напрасные шатания по городу и сидения в кафешке в гордом одиночестве ничуть ее не расстроили. Но Мэл огорчилась, хоть не сильно. Вместо пиццы пить чай с пирожными… как назло, она успела проголодаться, и сладкого совсем не хотелось.

Иринка знала, что подарить подруге, спросила об этом еще за месяц. Мэл тогда ничего не придумала, но потом вспомнила про книги. «Радугу для друга» она искала в магазинах, но тщетно. Не нашла и Ирка. Зато в сети откопала, распечатала и в анимешную папку зашила.

- Вот, поздравляю! – она торжественно опустила папку на стол и поставила рядом красный бумажный пакетик, - надеюсь, не очень мало, но старалась.

В пакетике был ароматный чай – мятный и земляничный. Мэл не покупала такого года четыре по причине дороговизны.

- А книгу ведь из сети удалили, - засомневалась она, листая печатные страницы, словно проверяя, целая ли, - автор на прозе ру писал, что издательство потребовало, и он оставляет только фрагмент…

- Все нашлось, все целое, - заверила Ирка, - чуваку тринадцать лет! Я фигею! Но очень книгу хвалят, я так полистала, вроде правда интересно…

- Спасибо, Иришкинд! Это даже лучше, чем покупная!

Мэл заказала себе все несладкое и почти наелась. Иринка уже до встречи с ней полакомилась всем, чем только средства позволили, поэтому угостить подругу не получилось.

- Давай в пиццерию зайдем, вдруг места освободились? – не сдавалась именинница.

За дверью кафе лил дождь, но возвращаться в теплый уют уже ни к чему. Зонтов ни у кого не оказалось, и обе в кроссовках.

- Погода как я и заказывала! – веселилась Мэл.

- А ты заказывала? – удивилась Иринка.

- Да, но вообще-то я на завтра – чтоб уж точно никаких шашлыков. Видимо, сегодня потребовался подготовительный плацдарм.

В пиццерии места освободились, но не в желудке: Мэл заказала всего один кусок, а Ирка два и по окончании трапезы призналась, что второй был явно лишним.

- В общем, неплохо отметили, - просияла подруга.

Мэл больше радовала чужая радость.

Дождь перестал. Маршрутка не заставила себя ждать. Все складывалось как нельзя удачнее, но сознание, не привыкшее наслаждаться жизнью и любоваться моментом, искало подвоха. Хоть дома и не должно быть никаких отмечаний (об этом давно условились), друзья также не набивались в гости, а шашлыки испортила погода. Все будет как обычно, вечер пройдет как сотни других вечеров. Радовало

предвкушение письма. Если он напишет – ей будет, чем заняться и эти минуты (а порой и часы, если она писала длинное и вдумчивое письмо) были самыми отрадными в последнее время. Радовал не столько процесс, как обычно при творчестве. Напротив, иногда процесс был надоедлив и даже неприятен: от долгого сидения за компьютером уставали глаза, плечи, руки и спина, от собирания мыслей болела голова. Но стоило подумать, как радостно ему будет найти в ящике ее письмо, что ее незначительные, сумасбродные мысли, воспоминания, факты из истории чужой страны, культурные мелочи и прочая неконкретная жизнь хоть немного отвлекут его от напряженной работы и отгонят монстров прошлого, становилось невыразимо приятно. Приятность эта сводилась к простой потребности быть кому-то нужной или даже необходимой. Пусть этот кто-то живет в другой стране, говорит на непонятном языке, выглядит непривычно и существует в совершенно непостижимом мире. Она верила, что ближе ее у него сейчас никого нет. И никто не нуждается в ней так, как он. Это окрыляло, дарило желание жить, думать, узнавать, умнеть, систематизировать. А природный патриотизм с налетом горечи притягивали. Первоначально она к этому не стремилась и даже не думала об этом, но позже поняла, насколько это захватывающе – ненавязчиво и талантливо, буквально парой фраз или вскользь упомянутым фактом, ловко приплетенной цитатой или своевременно ввернутым образом, заставить человека пересмотреть свои взгляды, заставить влюбиться в такое, что он раньше пренебрежительно обходил своим вниманием. Она знала, соревновательнсть и желание побеждать больше свойственны мужчинам, и редко замечала такие качества в себе. Но они неуловимо проскальзывали между строк там и сям, словно тонкий аромат духов, едва ощутимый даже в сантиметре, но пьяняще изысканный, стоит только вдохнуть. У мужчин эти желания проявляются в более агрессивных формах, как впрочем, и все остальные, что отнюдь не всегда говорит об их решающей силе и превосходстве. Какая разница, штык или яд?

Она же не стремилась к результатам. «*Я даже не умная ни разу*, - говорила она ему, - *я просто умею грамотно писать, системно излагать мысли, и письменно анализировать намного проще, особенно когда приучил себя не поддаваться эмоциям»*. Он просит объяснить – она объясняет. Долго, нудно и пошагово, не переубеждает, а рассказывает. Он же считает ее богиней мудрости и пишет, что из каждого письма узнает массу нового и многому учится. Видимо, только мудрые люди готовы с радостью учиться на протяжении жизни и неважно от кого, а не поддаваться гордыне подобно фрагментарно начитанным пустомелям.

Кто же останется равнодушным, будучи оценен за главные качества?! Наверное, так и родилась эта взаимная привязанность: он оценил ее ум и честно признался в этом, не прячась за стену своих «а вот я» и не отгораживаясь щитом самодовольства. Ей это польстило. И она ответила теплом на его интерес. Все естественно и объяснимо. Но, как всегда в таких случаях, что-то остается за кадром, ускользает от понимания, прячется в подкорке и вызывает ощущение, что сколь бы ни были верны объяснения и рассуждения, они все не о том, лишь вокруг да около, но до сути не добираются, главного не договаривают.

«Сегодня и мой день рождения, - пишет он, - *с момента, как я услышал твой голос, отрезвивший меня от полусна, придавший мне сил после бессонной ночи* (оказывается, он не ложился спать, чтобы сделать эту видеопрезентацию). *Твой голос такой милый, чистый, как у юной девушки, почти ангельский… нет, я не называю тебя ангелом* (она просила его этого не делать, и он внял), *я сейчас говорю о голосе. Сквозь эти жуткие помехи, так неразборчиво он долетел ко мне будто с небес».*

Мэл всегда относилась к своему голосу не то, чтобы отрицательно, но с недоверием. Со стороны он казался странным и чужим, и она не понимала, как люди, слышащие такой ее голос, а не тот, который воспринимает она, могут считать его приятным. Она может неплохо петь – хотя бы не фальшивя, на что в принципе способен любой, обученный музыкальной грамоте и обладающий посредственным слухом. Но насколько хорош именно тембр этого голоса, и даже к какому регистру его причислить, она определить не могла, хотя в чужих голосах разбиралась легко.

- Я так и знала, что ему голос твой понравится, - сказала мама, - у тебя хороший голос.

Ее мама на похвалу скупа и никогда не говорила ей, что Мэл хоть чем-то хороша. Нахваливать таланты дочери она не могла в силу своей некомпетентности во многих вещах, что никогда не мешало ей критиковать, даже не будучи в курсе элементарных понятий. Но Мэл не обижалась – она привыкла, что пару раз в неделю кто-то пытается ее наставить, как обучать детей английскому. Видимо, с этим сталкивается каждый специалист. О внешности мама говорила только тогда, когда нельзя было не

сказать, когда Мэл стояла на пороге, собираясь уходить и в последний момент, повернувшись к маме, спрашивала: «ну как?», всегда имея в виду «как я выгляжу?», но полностью выговаривать фразу не было необходимости. «Отлично!» – отвечала мама, и Мэл заранее знала, что ответит она именно так. Казалось, что бы она ни напялила, всегда будет отлично. Никто никогда не называл ее красавицей, а уж мама не сподобилась бы говорить такое даже красивой сестре, считая, что эти слова только портят, дескать, папа ее и так избаловал, нахваливая с детства. Мэл же такая доля баловства и от папы не досталась. Она привыкла, что красавицей никогда не была и не станет, что деление девушек на красивых и умных в их сестрой случае более чем справедливо, и почитала за честь относиться к умным, искренне недоумевая, как можно любить за красоту. Она вообще придавала внешности мало значения.

Но иногда (а в последнее время все чаще) красивой быть хотелось. Не в голливудско-попсовом понимании красоты, когда она усредняется, расценивается, как товар и теряет себя, оставляя лишь глянцевую оболочку, прячущую пустоту. Хотелось, чтобы какие-то душевные качества раскрасили блеклую внешность, отчетливо проступили на лице и придали ему харизматичность и яркость. Не смазливость, нет. Симпатичная – это мелко, унизительно. Хорошенькая – это практически каждая девушка, особенно в Туле. А хотелось быть красивой. По-настоящему. Чтобы этот хваленый ум серую мышку оживил, чтоб научил умело носить лицо, управлять взглядом и голосом, бросил в глаза самое важное и отодвинул второстепенное. Возможно, чисто технически она могла все сделать – надо просто правильно расставить акценты и притереться к какой-то роли, почувствовать себя вправе сыграть ее и понять, что быть красивой не так уж невозможно. Даже для нее. Ведь что-то в ней есть необычное и интересное, не может не быть!

Но ей было о чем подумать. Внешность казалась настолько неважной, что и времени жаль на мысли о ней.

А тут еще и голос… ведь можно его улучшить, что-то с ним сделать, а ей лишнее слово сказать лень.

* * *

Алиса приезжала часто по вечерам. Они проводили время на фазенде: Алиса сидела на качелях, а Мэл расхаживала на безопасном расстоянии и делилась с подругой виртуальными впечатлениями. Когда оные иссякали, она просила гостью остановить качели. Алиса подчинялась, решив, что Мэл хочет покачаться вместе. Но в этот раз Мэл водрузила на ее голову наушники и сказала:

- Попробуй под это полетать – просто волшебно!

Это был сплиновский «Коллекционер оружия». Алиса вновь раскачалась, вслушиваясь в нежные переборы «Будь моей тенью». Сколько лет она не слышала этот альбом! А ведь правда – пьянящей весной, когда зеленый цвет ослепительно ярок, ветер доносит тонкий аромат цветущей в нескольких шагах вишни и яблони, еще выше подбрасывает качели, отрывает белые лепестки, засыпая ими мягкую нескошенную траву – лучше саундтрека и придумать нельзя. Алиса всегда считала этот альбом скорее августовским, в преддверии наступающей осени, печальным, безнадежным, прозрачным. Но *«яблоневый цвет в кудрявых волосах, ногами на земле, главою в небесах»* звучал о мае. Мэл стояла у цветущей яблони, и та роняла лепестки на ее кудрявые волосы.

- Вот тебе и саундтрек, и видеоряд! – Алиса сняла наушники и поделилась с подругой этой мыслью.

- Значит, уже до «Самовара» добралась? – рассмеялась Мэл. – долго летаешь!

- Я вообще это жутко люблю, - призналась Алиса,- никогда у меня голова не кружится, и не надоедает. А с музыкой время летит незаметно. Правда чудесно, спасибо.

В сарае по инициативе Мэл поселился старый электрочайник, пачка с пакетиками и несколько кружек, ненужных дома. Все тщательно упаковано в целлофан. Мэл не стала выкатывать из сарая столик на колесиках, потому как к чаю ничего не было, а донести кружки можно и в руках. Хоть чай и пакетированный (как выражалась хозяйка - убитый), на свежем воздухе становился вкуснее и оживал.

Когда чуть стемнело, на улицу вышли родители и стали разводить костер.

- Это у нас ежевечерний ритуал, - пояснила Мэл, - оставайся, погреемся. Правда, разговоры дурацкие, но мы можем сесть подальше и говорить о своем.

- А дрова откуда берете? – осведомилась Алиса.

- Сосед ремонт делает. Разворочает квартиру и подкидывает старые доски. Ему весьма кстати наши костры – иначе пришлось бы везти этот хлам на дачу сжигать, а на Тайоте не хочется.

Большую часть времени родители оставляли их вдвоем у костра: папа отбирал новые порции дров, а мама качалась на качелях на почтительном расстоянии.

- Тебе еще письмо надо писать? – поинтересовалась Алиса, зачарованно глядя на танцующее пламя.

- Нет, уже написала.

- Успеваешь?

- Успеваю. Почти каникулы. Теперь многое успевается.

- Он не звонил больше?

- В прошлый вторник. Только я в бассейне была и нашла его звонки, когда из сушилки выползла. Это даже хорошо, я пока не готова беседовать с ним за пределами собственной комнаты.

- Да уж! Занятно было бы, еще и на английском, а поскольку вы едва понимаете друг друга, было бы громко и смешно!

- Самое главное, было бы смешно мне самой, а по причине плохой связи он бы еще фиг услышал мои просьбы перезвонить и поговорить позже!

Девчонки тихо засмеялись.

- Зато поняв, что я трубу не возьму, начал смски строчить, - продолжила Мэл, - он и раньше присылал – извинялся, что не добрался до офиса и не прочел письмо, говорил, возможно, умудрится завтра ответить… знаешь, приятно! Сама не понимаю, почему. Положим, я бы не умерла, если бы он меня об этом не предупредил, но все-таки предупредил, и это ценно.

- Ну, разумеется! когда о тебе думают - вообще приятно. А тогда че писал?

- Тогда… вот уж без этого я вполне могла бы обойтись. Сначала написал, что пытается заснуть, глядя на полную луну, но на его душевном небосклоне мое лицо затмило луну или что-то в этом роде…

Алиса опять засмеялась.

- Это еще не все. Через час пишет: дорогая, я не буду думать о тебе на ночь глядя, потому что подобные мысли воспламеняют, и мне не до сна.

- Ого! Я правильно поняла?

- Пожалуй, да. Я и сама сначала решила это не комментировать, но, придя домой, все-таки написала ему в письме – что я делаю не так, есть ли тут моя вина и как мне исправляться. Он ответил, вины нет, не принимай близко к сердцу – это потому, что я тебя люблю, а между умом и телом тесная связь. Иногда я подумываю о том, чтобы принимать лекарства, уменьшающие сексуальную мощь, потому как не в силах более выносить этой агонии. Каково, а? и не обращай внимания, да. Я просто делюсь с тобой таким самым личным, потому что ты мое все.

- И все-таки некоторыми вещами делиться не стоит, - нахмурилась Алиса.

- Согласна. Он потом к этому пришел. Есть пути, которыми приходится идти одному. Не то, чтобы я слишком серьезно это восприняла – скорее, даже позабавило, но само по себе непривычно служить причиной таких реакций. Об этом я тоже написала – дескать, странно, ибо главным моим достоинством является ум, а это знакомых мужчин не воспламеняет. Скорее наоборот.

- Да и про связь мозга с телом у нас вопрос сложный, - хохотнула Алиса.

- В идеале он прав, у нас все перевернуто. Он-де не понимает, как можно спать с кем-то кроме жены и допускать физический контакт, если нет душевного. А бабы тамошние бойкие: с ним же работают, из разных стран – Самоа, Филиппин, Бразилии, Сингапура, Австралии, Индии, Малайзии, Португалии – и постоянно предлагают ему жить вместе или хотя бы спать вместе. А он все удивляется – у многих из них на родине семьи, мужья. А тетки эти говорят: думаешь, мой муж воздерживается, когда я заграницей? Так почему я не могу спать с другим парнем, пока он развлекается?

- Хм, интересно! – воскликнула Алиса. – Вот тебе и забитые восточные женщины!

- Уже так не думаю. После истории с Линдой. И еще он писал о каком-то их певце, которому какая-то их певица предлагала пожениться, но поскольку он честный мусульманин, вдовец, и у него маленький сын, он отказал. А то, что она ему предложила, написал так, словно это совершенно обычное дело. Ну я и ответила, что наши девки со своей типа свободой загнали себя в куда большее рабство. Идя на поводу у своих дружков и живя с ними якобы для проверки на бракопригодность, годами спят в одной постели и лелеют мечту о загсе, но сами предложить не могут и покорно ждут, пока дружку не

глянется кто-то помоложе и посвежее. И тогда – любовь ушла! В итоге с такими экспериментами и само понятие любви опошляется, и сущность перевирается, и чувствовать ее нечем за постоянным поиском лучшего. Ему, конечно, это все не ново, но хотелось высказаться. К незамужним девушкам, которые готовы спать с как можно большим числом мужчин, он относится еще хуже, но в полиции ООН все имеет место быть и на это давно смотрят сквозь пальцы.

- А что они сделают, если весь мир так живет? И все-таки интересно, чем же ты его так разбередила?

Мэл подпрыгнула на поставленном вверх дном ящике:

- Да не пойму! Спросила, может фотки неудачные… или наоборот чересчур удачные? Ну я ж там, извините, не в неглиже! Он и ответил – все более чем консервативно. Извини, что запарил тебя своим физическим состоянием, я дикарь нецивильный. Иногда позволяю своему воображению слишком многое, как сорвавшейся с цепи собаке. Мне страшно подумать, что он там нафантазировал. Но уверяет, что у него с детства невероятно сильный контроль над психикой и физикой, так что с этого дня он перестанет давать воображению столько свободы, если это меня так беспокоит.

- Он может просто перестать писать тебе об этом и воображать дальше, - прыснула Алиса.

- Вероятно, так и сделает. Беспокоит-то это больше его, а не меня. Меня только словеса беспокоят. Теперь до конца мая он уехал в Австралию по делам служебным, и это было последнее письмо перед неделей отдыха. Поговорим лучше о музыке.

- Ну, тут тебе будет, где развернуться! Он воспримет?

- Музыку он отлично воспринимает.

* * *

Когда Фарид уехал в Австралию, у Мэл появилось время на все до поры заброшенное. Дни текли неторопливо, как и положено летом. Она много читала, слушала музыку вдумчиво, а не фоном, в процессе написания писем. Качалась на качелях, общалась с подругами. Бассейн отпал - вода в реке потеплела.

Он писал смски, что в Австралии красиво, но дождливо, что он наслаждается природой, но скучает без писем. Мэл порывалась ответить, излазила интернет в поисках бесплатных сервисов отправки смс в Австралию, но на одних сайтах требовали регистрации, которая запрашивала почтовый индекс и упорно не хотела принимать действительный, на других просили указать оператора мобильной связи. Мэл узнала их все, но первые цифры австралийского номера, с которого она получила смс, не до конца сходились, и установить оператора было невозможно. Мэл просидела два дня за компьютером, но так ничего и не нашла. Когда пришла очередная смска, она плюнула на все и отправила ответ с телефона. Дошел в течение часа, и сколько радости было!

«Боже, я получил твое сообщение здесь, в Австралии!!!!! Теперь мне лучше. Я чуть с ума не сошел, будучи не в состоянии связаться с тобой. Я тебя слишком люблю».

И настроение ее улучшилось. Хотелось петь и танцевать. Скоро он вернется в Тимор, напишет длинное интересное письмо, пришлет фотки. Он очень любит фотографировать, и у него отлично получается. Он мог упасть на землю, дабы запечатлеть мотоциклетный вираж, не заботясь о том, что форма испачкается, или найти ракурс, при котором обязательно получится радуга. У каждой фотографии своя история, символика и тайный замысел.

Как-то сидя у костра, мама спросила о бенгальце. Мэл ответила, что пока не пишет, в отъезде. Иногда присылает смски.

- Какие же?

- Да так, - уклончиво ответила она, - как обычно: люблю, целую.

Мама замолчала. Однако на следующий вечер тему возобновил папа. Сказал, что в мамину голову лезут нереальные фантазии: приедет этот бенгалец к нам, сватать дочь, и увезет в Бангладеш. Как же она там, одна, в чужой стране, не зная языка, людей, культуры и с ее-то ленью и необщительностью, да еще мусульмане…

Мэл от души смеялась.

- У мамы воображение без тормозов, но ты-то, - она кивнула отцу, - здравомыслящий человек, неужто повелся на такое! К тому же, он женат.

- Женат? – удивился папа. – А мать сказала, что нет. Что ж ты мне сказала, что он не женат? – обратился он к супруге, подошедшей подбросить веток в костер.

- А разве женат? – ахнула мама.

- Да, - ответила Мэл.

- А дети есть?

- Нет. Его жена не может родить.

- Печально, - вздохнул папа.

- А что, когда ты сказала про эти «люблю» и «целую», что еще подумаешь? - вступила мама.

Сумерки не до конца сгустились, но у костра сделалось особенно темно. Стоило чуть отойти, и со всех сторон светлело небо, пахло ночной фиалкой и душистым табаком, воздух окутывал чуть липковатой прохладой и комариным шлейфом, от которого не спасал купленный мамой аэрозоль. Папа остался тушить костер, а Мэл с мамой ушли домой. По дороге Мэл рассказала историю с женой Фарида, чего не решилась бы сделать при папе. Застарелый шок прошел, и она говорила спокойно.

- Какая подлость! – сокрушалась мама. – Просто ужасно! И зачем она так поступила? Может, влюбилась сильно? И любыми путями хотела заполучить… девки дуры! напоминает историю какого-то сериала. Может, она и отцу не сказала, что он ей отказал, и отец пошел на поводу у дочери? Но все-таки подлость…

Он прислал много интересных фотографий, где нашлось место и радуге, и птицам (две о печали, одна о радости). Мэл много рассказывала о музыке, и он ответил, что создал новую папку под названием «Металл». За двадцать пять лет меломании не мог ответить на вопрос, почему так важна музыка, никогда не слышал оперного женского вокала в роковой обработке, никто не воспринимает музыку так, как она…

* * *

Неужели нет в этом городе места, где можно побыть одной? Не просто идти куда-то, гулять, заткнув уши музыкой, вмешиваясь в толпу, но именно побыть? Посидеть в тишине, за стенами, наедине с собой, чтобы ни малейший звук не отвлекал от мыслей.

Надоело все: солнечная комната, предсказуемые дни, папина глухота и мамины фантазии при умении не вникать в простые предложения с первого раза. Хочется молчания – вдумчивого, осознанного. Но какой там! Все только и делают, что вещают, и плевать, хорошо ли получается, слушают ли другие… главное, высказать. Даже неважно, что.

В моменты подобного уныния и раздражения место для одиночества само собой появлялось. Одна надежда: если сестра уедет отдыхать, можно пожить в ее квартире. Но были и минусы: готовка, покупки, шумные соседи. Отсутствие интернета не тяготило – она устала от него. Почитать, посмотреть новые фильмы. Да мало ли интересного в жизни кроме паутины!

Переписка с бенгальцем начала таять после выхода на религиозную тему. Мэл необдуманно поделилась (по-дружески) своими мыслями о Божьем промысле и отправила слезовыжимательную красивую притчу, случайно найденную в интернете. Если бы она хоть что-то знала об исламе, вряд ли решилась бы, предвидя непонимание. Он и не понял. Рассказал кучу страшных историй и вопрошал, где тут Божий промысел. Ей было, что ответить, и смолчать она уже не могла. Но он не понял и потом. Хоть он и формальный мусульманин, религиозные традиции и обряды так вплетены в повседневную жизнь, что невольно влияют на человека, выросшего в подобной среде. А мудрствование и формализм привели его к мыслям, что религия для человека, а не человек для религии, что Богу до нас нет дела. Больно читать такое. Надо было следовать заранее установленному решению – избегать этой темы. Лучше говорить о музыке и традициях. *У меня еще жива рана*. Не хотелось писать ему. Не хотелось ложиться рано утром с чувством выполненного долга, а просыпаться днем с сильно бьющимся сердцем в ожидании ответа. Очередной наезд или примирение? Мудрый обход или попытка разобраться? Зачем эта нервотрепка? Казалось, такими недолгими в общении с ним были минуты радости, так быстро налетали стихийные бури недопонимания. Именно сейчас Мэл отчетливо осознала, насколько они чужие и никогда не смогли бы преодолеть этот барьер. Она даже не осилила его рассуждений о скупом и плоском исламе и глупых обывательских сентенций о Боге, который «где-то там». Просто предложила закрыть тему. «Мы слишком разные и никогда не сойдемся в этом, никогда не поймем друг друга». Мэл

и не пыталась понять. Эту мысль подкинула ей Алиса. А ведь и правда, не пыталась – только лоббировала свое, не в силах уяснить, что он не научен верить в это. Вера – дар Божий, и как ни крути, этот дар не воспитаешь, не вырастишь вместе с человеком и не привьешь бытовой соотнесенностью с религией. Но можно попытаться понять хотя бы как он мыслит.

Он расслабился и быстро переключился на другое, рассказывая о бенгальском певце и поэте, прислал песни, которые не было настроения слушать. *У меня еще жива рана… а человека нет, человека нет*. Точнее, это чужой человек.

На его разогнавшееся письмо о мусульманском поэте, озаглавленное «Сухие разговоры» (начал с того, что диагностировал ее депрессивные настроения), она ответила несколькими неуместными строчками – *не хочу надоедать тебе ностальгией и отрывать от работы и сна. Отдохни от меня, напишу через несколько дней.*

И молчала. Два дня, четыре. Потом наступила годовщина их свадьбы с Линдой, и ей не хотелось вклиниваться именно в этот день, хотя наверняка он чувствовал себя не лучшим образом и нуждался в паре теплых слов. Написала сразу после. Он не отвечал. Она проверяла почту с замиранием сердца, но ответа не было. Должно быть, он так же лихорадочно лазил в свою в поисках ее письма и ничего не находил все эти дни.

«Дорогая Мэлис, - через пару дней прочла она, - *нет, я не забыл тебя и никогда не смогу забыть. Прости, что отвечаю не сразу: вчера не проверял почту. За три прошедшие дня я проверял по сто раз, но ничего не находил. Поэтому решил, что ты больше не хочешь общаться со мной.*

Я так и не могу понять, что именно в моем письме так тебя расстроило. Список тем, которые мы можем безболезненно обсуждать, постепенно сужается».

Он называл ее Мэлис только в начале переписки, потом появились другие, придуманные им имена – у него детективная страсть к аббревиатурам, и Мэл никогда бы не догадалась составлять такие ребусы из имеющихся букв. Ей это нравилось, было что-то, о чем знали только они и больше никто. Ощущение тайны. Теперь же он вернулся к этому простому нику. Дальше письмо шло сдержано и отвечало на ее послание. В конце значилось, что он не хочет утомлять ее долгими рассуждениями, тратить ее драгоценное время.

Впечатление осталось не самое лучшее, как она и предполагала. Глупо надеяться, что он обрадуется ей, что все пойдет как раньше. Почему же список тем сужается? Она хотела честности. И она была с ним честна. Но ее реакции ограничили его честность, и, дабы не причинять ей боль, он умалчивал о многом.

«Я не собиралась прекращать с тобой общаться, - отвечала она, - *если бы и собралась – написала бы открыто, ненавижу двусмысленность. Северные люди прямолинейны и порой даже грубы, так что я не стала бы шифровать свои послания из вежливости. Страх быть неправильно понятой куда сильнее. Я действительно хотела дать тебе отдых от себя. Я привыкла говорить прямо, но помня о любви других к намекам и недомолвкам, выискиваю их и стараюсь замечать. Перестаралась, видимо.*

Сначала ты пишешь, что на меня напала ностальгия по прошлому великой державы (и название у письма было красноречивым, не так ли?), потом расписываешь свой насыщенный рабочий день (я не врала, когда говорила, что меня это интересует, но здесь все свелось к тому, что у тебя совсем нет времени отвечать на мои письма) – ты пишешь, что ложишься спать в час ночи, а встаешь в шесть утра и два часа свободного времени посвящаешь мне, хоть и не высыпаешься. Я знаю, как важно для твоей работы быть собранным и отдохнувшим, так что же я могла подумать? ты сыт мной по горло.

Тем не должно становиться меньше. На мой взгляд, некоторые несогласия и споры вполне естественны между двумя сложными людьми, но хочется надеяться, разумными и терпимыми в той же мере, поэтому не опасайся ничего - я уверена, мы сможем понять друг друга и во всем разобраться».

Где же в этом городе место, чтобы побыть одной, убежать от всех, посидеть и подумать… полежать, послушать спокойную музыку, или без нее? Но чтоб никого рядом, ни души.

«Когда я делюсь с тобой моральными и физическими проблемами – ты понимаешь все не так. Говорю тебе о любви – отбрыкиваешься. Делюсь мыслями по поводу стихов и религии – тебя это

обижает. Рассказываю о своих буднях, ожидая сочувствия – ты принимаешь это на свой счет, будто я обвиняю тебя, что ты отвлекаешь меня от работы».

Вот и получается, что говорить не о чем.

- Как можно ссориться по переписке? – смеялась мама, выслушивая рассказы дочери. – Ладно там, сидя за одним столом, пить пиво и тузить друг в друга, но в письмах! Не обижай мальчика.

- Я и не собиралась, - буркнула Мэл, - но, понимаешь, не могу я состроить из себя дуру, смотреть в рот и подыгрывать непонятному восхищению моей персоной или умалчивать о том, что действительно важно.

Особенно в письме. Она становится другим человеком, словно замок с души срывает. Язык удержать за зубами проще.

«Я никогда не смогу стать твоим лучшим другом из-за разности нашего положения. Ты мой ангел, моя богиня. Сидя высоко на облаке, ты остужаешь мои внутренние пожары прохладными дождями. Я же пытаюсь добросить до тебя с земли какие-то знаки уважения, любви, заботы и неудивительно, что они не достигают цели и падают обратно на землю. Я могу только докрикиваться до тебя словами, которые ты, к счастью, иногда слушаешь благосклонно, блуждая в небесах».

- Неужели я такая снежная королева? не понимаю, что со мной не так…

- Ты все ратуешь за честность, - хмыкала Алиса с качелей, - а нравится человеку считать тебя ангелом – пусть считает, зачем запрещать?

- Это неправильно, и слово слишком сильное.

- А для него не слишком. Фиг знает, как мусульмане понимают ангелов – может, и никак. Скорее всего, его словеса стоит интерпретировать в поэтичном смысле.

- Надо быть честной, пусть знает, какая я дрянь!

- Все равно не поверит. Твои несовершенства померкнут на фоне гадостей, которые он видел в жизни.

- Обратил же внимание на то, что я о здоровье его мамы не спросила и еще на многое. Я сейчас о своем отношении. Не замечала я никакой отстраненности, снисходительности, невнимательности, холодности. Напротив, он меня очень интересует, а к интересным людям я всегда отношусь с искренним участием. У меня даже не возникало ощущения игрушечности из-за интернета, как часто бывает с другими людьми. Все честно, прямо, искренне. Почему же так?

- Значит, это просто нечто тебе присущее. Даже по письмам заметил! Сама же говорила – и у семьи твоей есть ощущение, что ты не с ними, хотя близко общаетесь и друг другу доверяете.

Одинокая птица, ты летаешь высоко.

- А на счет ангелов – он не один такой, - напомнила Алиса.

«Я не хочу терять тебя. Не знаю, как моя будущая жена воспримет наше общение, но я бы хотел продолжать его в течение всей жизни. Да, мой друг, я решил жениться в ближайшие полгода, после возвращения домой. Мне уже 38, жизнь слишком коротка».

Вот что замечательно. Быть может, именно она к этому причастна? Стоило его ободрить, расшевелить, подтолкнуть… он еще может быть счастлив и имеет на это право. Было бы нечестно по отношению к себе этим не воспользоваться, тем более, если именно семьи для счастья не хватает. Она как-то заметила, что на фотографиях он редко улыбается, а если и случается – только ртом, не глазами. *«Мое счастье – вывеска для других, которым еще хуже, чтобы утешить их. Сам же я не могу искренне улыбаться уже много лет и пока в моей жизни не будет крепкой семьи, опекаемой мудрой женой, а еще, если этот союз будет благословлен парой милых ребятишек – тогда я смогу стать счастливым»,* - писал он. *«Ты говоришь именно о счастье,* - отвечала она, - *я же просто об улыбке. Искренней, теплой улыбке, которая тебе вполне по силам. Всегда можно порадоваться чему-то – хоть на мгновение. Удачному дню, доброй шутке, светлому лицу, понравившейся цитате, красивому пейзажу. Я не верю, что не осталось в жизни ничего, что заставит тебя от всего сердца улыбнуться. И когда это произойдет – хватай телефон, сфоткайся и отправь мне настоящую улыбку, хорошо?»*

Одна такая фотка приплыла из Австралии, но все равно грустный призвук во взгляде.

- А сама-то ты как улыбаешься? – фыркала Алиса.

- Если я не хочу улыбаться – я и не строю из себя ничего, и никто не заставит. Но если хочу – от всего сердца. Он сам так писал…

И все-таки оттенок грусти в глазах остается даже при самой искренней улыбке. Зачем требовать невозможного от человека, которого можешь понять? Это не требование, это пожелание. Совет. Не забывать, что жизнь интересна, и нельзя перестать удивляться. Нет, она не прекрасна. И мир не прекрасен – Мэл так давно не считала и раздражалась, когда другие пытались ей это втолковать. Прекрасен замысел Творца. Но именно он и есть вся жизнь и весь мир, а не то, что мы с этим сделали, пытаясь уродство наречь красотой. А подлинная красота до поры в тени для души, нужно дорасти, прозреть. И как радостно сознавать, что тебя любят, о тебе заботятся, тебя оберегают, и каждый твой шаг не случаен, мельчайшая нить повязана в узелок и ведет к чему-то большему, пока неведомому! Может быть, и ее появление в жизни этого человека окажется ненапрасным – он-то уже разглядел много хорошего. Как узнать, какие следы оставишь на чужой душе?

* * *

Вряд ли все будет как прежде, но со временем переписка войдет в нужное русло. Пока еще жива рана. И воскресла лень. Лень писать длинные письма, слушать присланные им песни, смотреть смешные сюжеты (он тоже пытался ее развеселить, но чувство юмора штука странная и субъективная). Лень рассказывать о чем-то. Потом появились дела. Затем накрылся интернет – проблемы на линии, о чем Мэл сразу предупредила бенгальца смской. Он ответил, что очень, очень, очень, очень, очень счастлив получить от нее сообщение, и в любом случае ничего страшного, ибо *я не беспокою тебя пока, не отрываю от работы.* Правда что ли, любовь – это когда пишешь слово «люблю» пять раз подряд, не пользуясь ctrl+c? А в смске точно не воспользуешься!

Когда интернет починили, она написала ему три строчки на почту, информируя о своем возвращении, и с просьбой написать о себе хоть что-то. Он молчал.

Июнь подходил к концу. Вот все и разрешилось, и додумывать нечего. Он не приехал в отпуск в Тулу. И теперь вряд ли приедет. Скорее всего, они так и не встретятся.

Что было у них друг от друга? Сто листов писем, куча фотографий, песни, стихи, голоса в телефонной трубке, искаженные расстоянием и помехами. Никакого переплетения судеб. Они лишь столкнулись на миг, заплутав в паутине и выпутавшись, пойдут, как и прежде, каждый своей дорогой. Но за этот миг столкнулись два разных мира, схлестнулись две ничем не похожие жизни, перевернулись дни, чуть быстрее забились сердца, проснулись заспанные мысли. Появилось желание жить и быть счастливыми.

«Да, мы очень разные, - писал он, - *но разве нам это мешало? мы ведь всегда знали… Разница в возрасте 13 лет. Разница в образе жизни. В культуре. Религии. Цвете кожи. Образовании. Гастрономических пристрастиях. Работе. Несколько тысяч километров между нами».*

В марте он писал: *заметила, как много у нас общего? Музыка, плаванье, небо, пицца и кола, литература, иностранные языки…*

Глупо суммировать и анализировать, чего больше и что важнее. Все начиналось куда умнее, чем заканчивается.

Нет сил, как хочется отделаться от сознания собственной глупости и чувства вины – и здесь успел все испортить, вредитель. Никакие отношения тебе не доверить – всегда разрушишь.

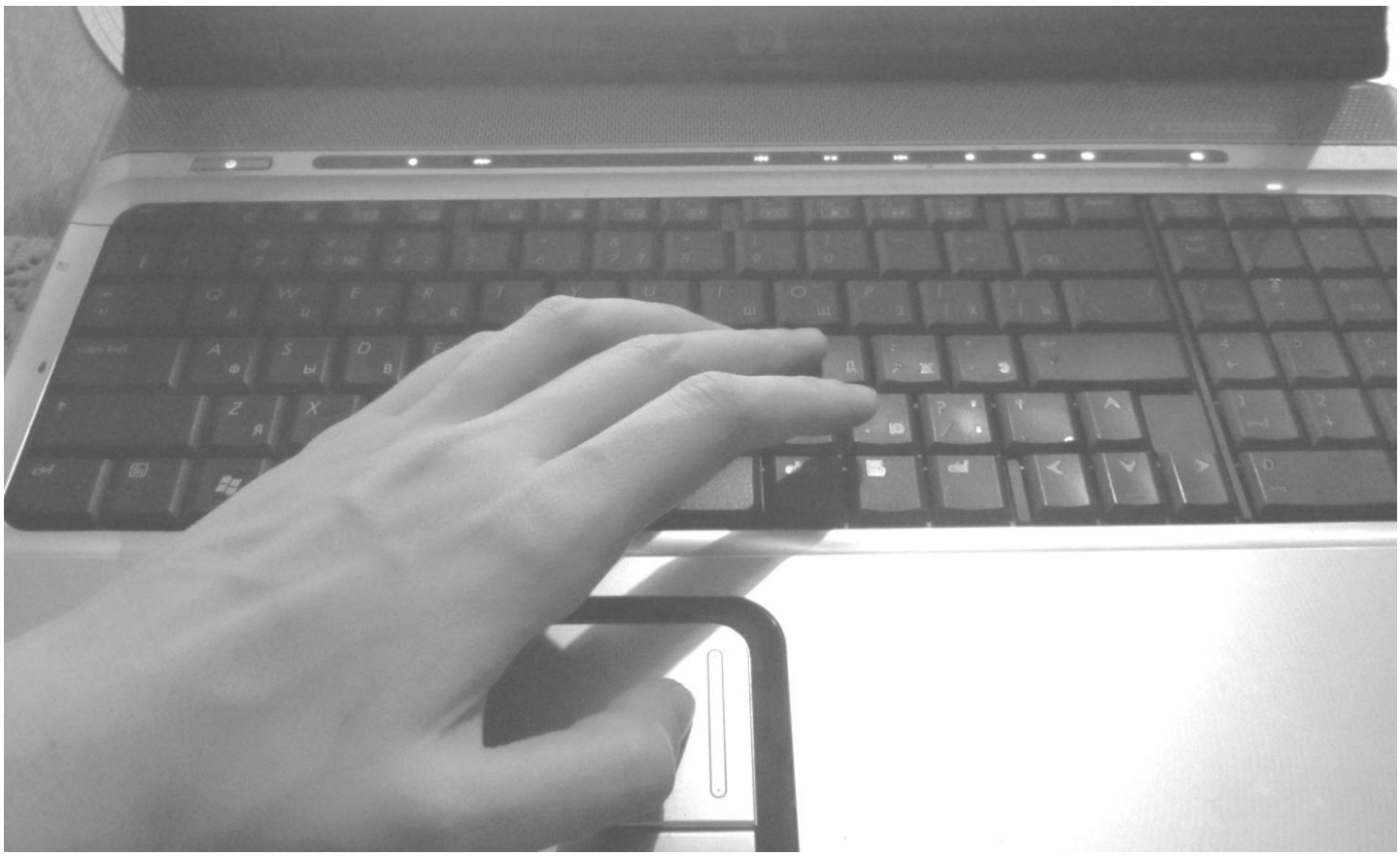
Паутина обмотала липким кольцом. Все в жизни циклично. И все приедается, от всего быстро устаешь. Нашлось место, где можно побыть одной, но туда не хочется. Все почему-то не так, всегда найдется к чему придраться и на что пожаловаться. Идеал только вырисовывается, но не достигается.

Интересно порой: не будь того или ни скажи этого – изменилось бы что-то? а если встреча – какой бы она была, и что бы произошло? Пожалуй, хорошо, что ее не случилось!

За стеклом уже не мелькал город… родной и надоевший к лету, который я никогда тебе не покажу, на который и не стоило смотреть. Река, похожая на швейцарское озеро, заменила бассейн, берега очистили от мусора, грозясь оборудовать пляж, но, по-моему, это лишь предвыборная кампания одного депутата. Кругом лес, и по утрам никого. В тишине хорошо мечтать и думать, любоваться небом и быть одной. Если поблизости не останавливается машина с гремящей музыкой, если моторные лодки не рокочут по воде, и на берегу два рыбака - большего счастья и не представить! Пахнет цветущими липами – в воде особенно сильно. Здесь останавливается время, замирает жизнь, взгляд объедается красотой. Вода показалась бы тебе холодной, и песка нет – только яркая зелень.

Холодный северный край и скупое солнце. Это дорого мне, а ты видел и лучше, и краше. Все, что мне чуждо. Все, что я бы не смогла полюбить.

Сохранить в черновиках? Пожалуй. Может, будет настроение отправить…



© Кира Бородулина 2011